

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrso.ru>

№ 3(16). Декабрь, 2020

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrso.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 3. 2020.

ФИЛОСОФИЯ

АШИЛОВА М. С., БЕГАЛИНОВ А., БЕГАЛИНОВА К. **PHILOSOPHY OF EDUCATION AND PEDAGOGY: SUBJECT STATUS** 4 - 8

ВОЛКОВА С. В., МАРКОВ Б. В. **EDUCATION DILEMMAS IN THE DIGITAL ERA: PHILOSOPHICAL APPROACH** 9 - 16

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

БОДЭ А. Б., ЖИГАЛЬЦОВА Т. В. **ЦЕРКОВЬ ТИХВИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ В ДЕРЕВНЕ ЮДМОЗЕРО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ. ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА** 17 - 27

ВАСИЛЬЕВА С. В. **КОНТРРЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ** 28 - 37

ЧЕПУРИНА И. В. **ОБРАЗ ГАМЛЕТА КАК ПОЭТА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ ВАЛЕРИЯ АНАНЬИНА** 38 - 44

СУВОРОВА И. М. **ОСОБЕННОСТИ АКЦИОСФЕРЫ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КАРЕЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ** 45 - 49

УДК 378

PHILOSOPHY OF EDUCATION AND PEDAGOGY: SUBJECT STATUS

АШИЛОВА

Мадина

Серикбековна

*доктор PhD, кандидат философских наук,
ассоциированный профессор,
Казахский университет международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана, кафедра
медиакommunikации,
Алматы, Казахстан, madina.almaty@gmail.com*

БЕГАЛИНОВ

Алибек

*кандидат философских наук,
старший преподаватель,
Международный университет
информационных технологий,
Алматы, Казахстан, alibek557@inbox.ru*

БЕГАЛИНОВА

Калимаш

*доктор философских наук,
Профессор,
Казахский национальный университет им.
аль-Фараби, кафедра религиоведения и
культурологии,
Алматы, Казахстан, kalima910@mail.ru*

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 02 декабря 2020 года

Опубликована: 02 декабря 2020 года

PHILOSOPHY OF EDUCATION AND PEDAGOGY: SUBJECT STATUS

Introduction. National philosophy of education as an interdisciplinary and integrative science originating from the end of the XX century, when the native philosophers following the Western scientists understood the need of the philosophical reflection of the educational processes. Undoubtedly, the origins of its formation originate from an earlier time. The junction of the XIX and the XX centuries saw an objective, cultural and ideological need in the creation and development of the philosophical aspects of education. This feature, in due course time, was noticed by V. V. Rozanov. He was one of the first (1899) to use the term “philosophy of education” and gave it the following definition: “We have didactics and number of didactics, we have pedagogy in general as theory of some craft, art or something. But we did not have and do not have anything that could be called the philosophy of education and upbringing, i.e., the discussion of the education itself, upbringing itself in a number of other cultural factors and also with regard to the eternal patterns of human nature and constant challenges of history” [1, p. 601]. It seems to us that the idea of V.V. Rozanov acted as an impetus for research in this particular philosophical direction.

Methodology of scientific research. The methodological basis of the study was the sociocultural approach, the essence of which is to consider education as the main sphere of social activity. The modern education is influenced by the dynamic sociocultural transformations that apply to all spheres of life and personal needs. So, the authors used value semantic, managerial and organizational methods, systems analysis and general philosophical methods for this research.

Results and discussion. There is a number of approaches to the philosophy of education that include,

for example, the following definitions: "Philosophy of education is a special type of philosophical systemacy specializing in the field of education» (Encyclopedia Britannica); «Philosophy of education is a way of thinking about education» (Ya. Boyce); "Philosophy of education is a therapy of a man, making of a human in a person, keeping the plan of integrity of their "image"; "Philosophy of education is a sphere of interprofessional productive dialogue between various scientists ... specializing in the field of education" [2]. The sphere of scientific competence of the philosophy itself (general philosophy) is comprised of the universal laws of the human, society and nature existence. Turning to education, the philosophy applies a high level of abstraction and analysis of the conceptual level. In essence, it studies the universal laws in the field of education. S. Sharms in the work *Philosophical Foundations of Education* (1969) pointed out that the concept of education introduced into the structure of the philosophy of education in terms of its abstraction should not be lower than the concept of "knowledge" [3, p. 8]. The concept of the "philosophy of education" itself should be introduced to the system of concepts of the "branch" philosophy and perform a heuristic role in the analysis of education at a level of system-based organized movement of concepts. In the Russian language, the concept of "education" originates from two concepts: "image" and "to form". In terms of terminology, "image" means a well-defined outline of a certain object or a phenomenon. "To form" means to take some actions to develop a relevant image. From this perspective, terminologically, "education" can be defined as a process of making or forming an image corresponding to the time requirements. But terminological perspective gives us just a general idea of the concept. However, there is a diversity of opinions in determining the essence of this concept. In the pedagogical literature, the concept of "education" refers primarily to the process of the transfer and acquisition of knowledge and skills, and the formation of cognitive interests and abilities, to the special training in professional activity [4]. Moreover, these processes are performed not in isolation but within the bonds that are determined by the principle of unity of education and upbringing. Education, being solely a multidimensional concept, reflects the process of people's socialization, including the process and the result of knowledge and skills acquisition that affect the "image" of a person corresponding to the social demands. The philosophical significance of the concept lies in the emphasis on the formation of a person, his or her socialization. Education as a system of people's socialization is a deep interrelation of pedagogy, education, upbringing and enlightenment. The authors of a textbook *Pedagogy: Pedagogical Theories, Systems, Technologies* write that the "connection between philosophy and pedagogy has a dual character. Sometimes pedagogy was recognized as a "testing ground" for the application and approbation of philosophical ideas. In this case it was considered "practical philosophy" [5]. As for the correlation between philosophy and philosophy of education, one of the most commonly expressed opinions is that philosophy of education is an applied philosophical discipline, since the general principles and provisions of the philosophy are applied to analyze the various aspects of education, which, in turn, is considered to be a process, an activity, a system, a value and a social institution. The word "application" is contextually used to indicate what "is applied, and not "to what is applied" [6]. And in this context, the applied is not the philosophy of education, but philosophy itself. We believe that the very meaning of the term "applied" is used to indicate the goal of science, the application of scientific knowledge to practice. But the philosophy of education, in its essence, represents a system-based vision of the educational objectivity to the sectoral sciences (in our case – pedagogy, theory of upbringing, enlightenment and education). Thus, in our view, the philosophy of education should be rightly considered a branch of philosophy or a section of social philosophy posing and solving philosophical problems in the social sphere of life. In this case, the philosophy of education is not just a science, but a doctrine which organically includes the scientific, ethical, aesthetic, axiological, ontological, epistemological and other aspects. In the process of development, the philosophy of education as a doctrine and a scientific direction is equally deeply connected with philosophy in general and with the sectoral sciences. Philosophy of education is a link between the universal (the theory of the highest level of abstraction) and the specific (educational activity). However, in the literature on the theory of pedagogy and in the tutorials not so much attention is given, unfortunately, to the problem of philosophical understanding of education. For example, in a pedagogical textbook *Pedagogy* edited by P. I. Pidkasiy only one paragraph focuses specifically on such an important problem as the interaction between philosophy and pedagogy: "The most productive factors of progress of the pedagogic science should include its interrelations with philosophy. In it the science of education finds, in particular, the supporting methodological positions. Philosophical categories of necessity and contingency, common, singular and special; the laws of interrelation and interdependence, the laws development and its driving forces, the subjective and objective determinism of pedagogical phenomenon and many others. Such sections of philosophy as materialist dialectics and theory of knowledge (epistemology) also make contribution to the development of research thinking. In connection with the deepening of philosophical understanding of various aspects of the reality the branch philosophies are developed as well. The philosophy of education, philosophy of culture, philosophy of history, philosophy of law, philosophy of science

and others obtain the status of branches of knowledge. And as pedagogic science is developing in conjunction with other human sciences, the addressing to their philosophy contributes to its success" [7, p. 10]. It would be unfair to accuse the authors of this textbook and other theorists of pedagogy of rejecting the philosophical understanding, or of such short covering of the problems of interaction between philosophy and the theory of education and pedagogy. As has been already noted, there was no tradition of philosophical understanding of education, and the current level of development of the philosophy of education itself so far has not enabled to do it more carefully and in detail, although it should be noted that it has already had an experience of such consideration. As a rule, the philosophical approaches can be found in the studies of the educational process and the theory of pedagogy in the philosophical and methodological grounds of humanization of education (for example, in the works of T. A. Rubantsova) and in the works on the philosophy of education in the humanities (N. S. Rozov), as has been mentioned above. These authors, on the basis of the history of philosophy and the history of pedagogy, are tracing the genesis of philosophical and pedagogical thought and provide an overview of contemporary foreign and national researches on the philosophy of education. For example, T. A. Rubantsova, in her doctoral dissertation *Philosophical and Methodological Foundations of Humanization of Education* and in her monographs covers philosophy, culture and education by outlining the problem field. She rightly points out that philosophy classifies the accumulated human life experience, reduces all aspects of reality to integrity that determine the human perception of the world, their understanding and experience, while in education the mechanisms of vital life sustenance, socialization of personality, and preparation for objective reality in contemporary culture are formed. Education is a way of acculturation and enculturation of personality, it creates an individual of a new culture of the future. "The mankind faced with the new challenges of survival at the end of the XX century does not have much time for reflection. It cannot continue its development using the old routes, embodied in the cultural matrix of industrial civilization, and education plays a leading role in this process. The study of the problem of humanization of education in terms of the socio-philosophical approach, will allow not only to identify the already existing links, but also to actively participate in the search for the orientations for the future" [8, p.177]. Thus, the analysis of the philosophy of education requires the reference to pedagogy as a science, where information, facts, and processes are linked by an internal, organic necessity of the scientific method, and scientific knowledge is represented as organized system. Science, including pedagogy, is developing in accordance with its laws, the inner necessity of its inherent method. In the theory of pedagogy, as well as in other sciences, it (science) exists only where "the researcher explores for the sake of knowledge, freely questioning the nature" [8, p. 36]. It was the close relationship between philosophy and the theory of education that forced S. I. Hessen to call pedagogy an applied philosophy. He drew particular attention to the close relationship between the history of pedagogy and the history of philosophy: "... Let's have a few considerations ... on the close link between the philosophy and pedagogy ... If pedagogy is so closely associated with the philosophy and, in a sense, even can be called an applied philosophy, then it should be expected that the history of pedagogy is a part - or, if you like, a reflection - of the history of philosophy. And it is really so. Plato, Locke, Rousseau, Spencer - all these names belong not only to the reformers of pedagogy, but also to the representatives of philosophical thought. Pestalozzi was only the distinctive mouthpiece in the pedagogy of that coup, which in his contemporary philosophy was made by criticism, in particular, of Kant, as recognized by all - was a reflection of the principles of Shelling's philosophy in pedagogy. ... Drawing its guidelines, and, above all, breaking-up from the philosophy, pedagogy mostly reflects on itself as the development of philosophical thought" [8, p.36-37]. Thus, the upper level of the theory of pedagogy is deeply connected with the philosophical understanding of its subject, the reflection of the principles of certain philosophical concept in the various pedagogic theories. Thus, we raise a question that the philosophy of education includes two organically interconnected parts, two methodological levels: one is primarily addressed to the general philosophy, and the other - to education.

Conclusions. In general, in the analysis of the "philosophy of education" concept, we are highlighting the following aspects. Firstly, it can act in one or another form of the philosophical conceptualization of education; secondly, it can itself be an object of philosophical analysis; and thirdly, the philosophy of education can be understood as a practical philosophy of education, without strict and rationally expressed conceptual systems. When the "philosophy of education" is the object of study, it inevitably includes its first and third aspects. Therefore, we strongly believe that the philosophy of education is always concrete, subjective, and thus shaped by history and determined. One more time it is necessary to underline the variety of the subject areas of education as the research object, since it predetermines the fundamental integrity and interdisciplinarity of the philosophy of education. In this situation of spiritual impoverishment, total educational crisis, and degradation of all aspects of human life, the national system of education faces a major problem: to find a new form of existence, which would allow the education not only to survive, but also to strengthen its

status of the main mechanism of social reproduction and development, and achieve it in a very short time, with minimal resources, amid unfavorable sociocultural environment and the collapse of the traditional educational system. In this context, the philosophy of education is of great importance. "The scientific, world outlook level of educational policy, strategy, and tactics of the educational systems development would depend on the degree of development of the philosophy of education" [9, p. 38]. Therefore, the emphasis of the modern philosophy of education should be made on the development of a new methodology, more comprehensive methodological tools (ontology, axiology, praxeology), which would allow to find common grounds for the modern educational system and pedagogic thought and serve as a basis for a consensus on these positions.

ПРИМЕЧАНИЯ

REFERENCES

1. Gershunsky B. S. Education in the third millennium: the harmony of knowledge and faith. Moscow, 1997. 117 p. (In Russ.)
2. Gershunsky B. S. Mentality and Education. Moscow, 1996. 140 p. (In Russ.)
3. Gusinsky E. N., Turchaninova Y. I. Introduction to philosophy of education. Moscow, 2001. 224 p. (In Russ.)
4. Mikhailov F.T. Philosophy of education: its reality and prospects. *Voprosy filosofii*. Moscow, 1999. No 8. P. 92–118. (In Russ.)
5. Pedagogy: pedagogical theories, systems, technologies: Textbook. Moscow, 2000. 512 p. (In Russ.)
6. Rozanov V.V. The Twilight of education. Moscow, 1990. 624 p. (In Russ.)
7. Rozov N. S. Values in a problem world. Novosibirsk, 1998. P. 193–217. (In Russ.)
8. Shermis S. Philosophic foundations education. N.Y., 1969. 292 p.

Received: 27.11.2020

PHILOSOPHY OF EDUCATION AND PEDAGOGY: SUBJECT STATUS

**ASHILOVA
MADINA**

*PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Kazakh University of International Relations and
Worldwide Languages named after Abylai Khan,
Department of Media Communication,
Almaty, Kazakhstan, madina.almatytv@gmail.com*

**BEGALINOV
ALIBEK**

*Candidate of Philosophy,
Senior Lecturer,
International University
of Information Technology,
Almaty, Kazakhstan, alibek557@inbox.ru*

**BEGALINOVA
KALIMASH**

*Doctor of Philosophy,
Professor,
Al-Farabi Kazakh National University, Department of
Religious Studies and Cultural Studies,
Almaty, Kazakhstan, kalima910@mail.ru*

Keywords:

education
philosophy of education
pedagogy
theory of education
foundations of education
applied philosophy
civilizational process
self-consciousness of person
individualization
socialization
subject of education.

Summary:

The article deals with the features of the relationship between pedagogy and philosophy of education in the historical and genetic aspect. Various facets of their interaction caused by ideological and methodological approaches to the educational process are shown. Attention is drawn to the fact that the feature that distinguishes the philosophy of education from pedagogy is a holistic vision of education, the study of its problems in the most generalized and conceptual form. Various scientific approaches to pedagogy and philosophy of education are revealed, among which the situation developed within the framework of Soviet science is of particular interest, when pedagogy was understood as a “testing ground” for the application and approbation of philosophical ideas. Summarizing all the approaches, the authors come to the conclusion that the analysis of the education from the perspective of philosophy requires the recourse to pedagogy as a science, which explores the problems of education at a deep level, and from the perspective of pedagogy – the recourse to the philosophy of education, acting as a universal, conceptual, methodological, and ideological scientific knowledge.

УДК 37.017.7 + 37.017.922

EDUCATION DILEMMAS IN THE DIGITAL ERA: PHILOSOPHICAL APPROACH

**ВОЛКОВА
Светлана
Владимировна**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
кафедра философии и культурологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
svetavolkov@ya.ru*

**МАРКОВ
Борис
Васильевич**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философской антропологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, кафедра философской
антропологии,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
bmarkov@mail.ru*

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 03 декабря 2020 года

Опубликована: 03 декабря 2020 года

EDUCATION DILEMMAS IN THE DIGITAL ERA: PHILOSOPHICAL APPROACH

Introduction. Problem and Purpose

Modernization of universities requires reflection on the phenomenon of education. Today, education has become a competitive enterprise. Students have to compete for scarce places in universities. Universities compete for status and ranking, and generally for funding. Thus, whoever has the highest rate wins. This applies both to educators and universities. Few of the organizers of the educational process consider whether and to what extent new criteria for measuring the efficiency and effectiveness of education help to improve its quality. But the mission of the university must not be forgotten in the pursuit of the rating. The reduction of the ratio of teachers to students should be proportional and never should compromise the quality of education. Economists regarding education as a form of production, indicate that productivity increases in every sphere except one: the educational sphere. What ways of increasing the productivity of education economists suggest? In addition to staff reductions the period of training is being considerably shortened. For example, four years of studies instead of five years. The use of online courses is another means of improving the effectiveness of education [24: 125–139]. Probably that's the basic threat for education. Even before the opening of radio and television, some attempts were made to organize open education, but all of them turned out ineffective because of the lack of feedback. Interactive online courses use tools to monitor and evaluate the level of learning. Of course, this is not to deny that students can access online courses prepared by leading experts whenever and wherever they have an internet connection. Such a strategy helps to ensure equal opportunities and equal access to education, i.e. to eliminate the distinction between prestigious and other universities [9]. But, put into practice, it could result in increase in demand for certain celebrities, i. e. prominent scientists and specialists, teaching expensive master classes, mainly on TV, while teachers who transfer knowledge and skills, so to speak, "from hand to hand" will be unclaimed.

The University has to train the professionals of tomorrow, the next generation of specialists who will be able to display statesmanship and to make responsible decisions. Therefore, students should be trained not only

to take tests and written exams, but also to think [1 : 1-10]. Whereas previously the socially elite was raised at the universities, now many students come to universities not for knowledge, but for diplomas. Teachers train to a standardized test. That's good for memorizing of facts, but it doesn't develop the habits of independent thinking. A student should not only know, but also understand. Meanwhile, the test questions are extremely functional and focused on quantified data. It's easy to answer when you know how many duels Pushkin fought, but there is no quantified answer to the question what is the duel and what role it played in society. Lectures should encourage critical thinking, they should be both problematic and creative, i.e. apart from a critical review assist in finding a solution to the problem. The old system of testing was rigid. The examination was a serious conversation about science problems and required a great effort. On the other hands, such moments were remembered for the entire life.

According to the humanitarian community, it is the new media and interactive educational programs are the main reasons for the deteriorating quality of education. Whereas pupils and students stop reading books and listening to author's lectures, the collapse of education is inevitable. Textbooks turn into comics and lectures into presentations. Now the word "videot" has been used to mean screen students. The stupefying effect of video culture is also evidenced by the fact that spectacles rather bestialize than humanize children. Telling horror stories shouldn't be used as a means of intimidation. We believe, instead, that before any practical changes, it is worthwhile to philosophize about what kind of education, what kind of universities and, most importantly, what kind of educational technologies to be used today.

In our opinion, there are several actual problems in the field of philosophical reflection concerning the phenomenon of education in the digital age.

Firstly, to reflect on crisis in education, as well as the possibilities of renewal of meaningful learning practices, based on personal understanding of the student and the teacher.

Secondly, to overcome the subjective-objective dichotomy and turn to the structures of interpersonal communication as the foundation of educational practice.

Thirdly, to undertake a philosophical and anthropological analysis of human feelings and moods (trust, care, friendship, love) determining the pedagogical atmosphere.

Forthly, to describe electronic mediums as a means of organizing modern educational spaces, as well as a means of electronic disciplinary control, evoking educational subjects' resistance.

Fifthly, to reconstruct the demands the electronic educational technologies are making on the subjects of the educational process. Since these technologies lead to the loss of reflexive experience and form a "clip consciousness", they will need to be supplemented by hermeneutic techniques that contribute to understanding the meaning of education.

And, sixthly, to develop effectively the communicative skills that reduce the risk of social conflict. Since the new media open up opportunities for the development of students' visual and emotional capacities, they also block lively interpersonal communication [22].

The objectives of the study also dictate the following: to provide a philosophical reflection on the nature of cultural and socio-economic transformations that have a substantial impact on education and society in the age of digital technology.

Methods

Tackling the wider picture, addressing philosophical, cultural, economic aspects of education in digital age, the study offers to make sense what happens and what doesn't happen, when the digital and educational come together.

Results and Discussions

1.1. Quality of Education Under Digital Economy

Reproducing and taking care of their offsprings comprise the most viable strategy for survival and well-being in both nature and society. Education is quite an expensive tool for preserving and transferring cultural heritage. Today, even the universities of the leading world economies complain about suffering from financial shortages, as governments cannot support them at the taxpayers' expense, because tax increases will lead to popular frustration. Commercialization of education by turning existing state universities into service-rendering enterprises and establishing new private universities significantly narrows down the applicants and enhances inequality. What is left is the economic strategy aimed at increasing the number of students and decreasing the number of teachers. New types of media offer a lot of opportunities for achieving such «cost-effectiveness». First, online education can be made available to a large number of people with relatively low income, and second, it enables to cut down the staff. Cost-effectiveness is also reached by reducing time spent on education, for example, by transition to a two-level education system with four- or even three-year bachelor's degree programs [2: 2-9]. The main objection against such approach is raised by the

doubts about adequate education quality [23]. Another counter-argument is that efficiency and cost-effectiveness should be discussed in a broader context, taking into account the fact that education is an integral part of social capital, which ensures international competitiveness [15; 4]. That is why cost savings in education lead to the development gap and the loss of international influence. All this suggests that education management based on online technology is not a panacea that will solve all the problems. Intellectual or, in a broader sense, symbolic capital is not governed by the laws of market economy, since it is produced by one individual and consumed by many.

The need for education reform is determined by national governments' inability to bear the financial burden of public education. Back in the day, sciences and humanities were seen not only as the origins of the Industrial Revolution, but also as means of creating national elites, and the symbols of states' political power. It was clear that history, philology, literary studies, and philosophy played a critical part in forming national identity and developing patriotism. However, the role of philosophy in the modern education system is quite ambiguous. If it is perceived as ideology, then the "end-of-ideology epoch" simply does not need it. But in view of the pluralism of ideologies philosophy can be very useful for ideological criticism and analysis.

In the pursuit of new technology we should not abandon traditions, because they help to identify what should be kept intact despite all the modernization processes. In practice, online courses are designed and implemented not according to the principles of liberal education, but with the use of so-called "administrative leverage". In such cases a pre-chosen course is imposed from above and recommended as a teaching model, which does not give an individual teacher any opportunity for self-realization. We need to break this pattern and make sure that course curricula include options that will enable teachers to express their creativity and identity. In this case, lessons will provide more encouragement and academic freedom.

An attempt to approach education reforms from the perspective of "cost-effectiveness" can be explained by more than just financial problems. Since qualitative methods are largely subjective, in practice education quality is assessed with quantitative indicators. In terms of operational efficiency, universities cannot compete with assembly line production, which make it possible to increase output and decrease the number of workers. Is there any solution to this problem? The answer may reside in developing online courses, aiming at several targets at once. First, it will enable to reduce the number of teachers; second, it will ease students' academic load; third, it will improve the availability of university courses; and finally, it will enhance academic mobility. Negative consequences of this approach include averaging and homogenization. Quantitative indicators include the degree of infrastructure development and comfort level, which have no direct effect on teaching quality, but raise the costs of education significantly. Competition for rankings forces many universities with low endowment to save money at the expense of their education services quality.

Thus, education efficiency and cost-effectiveness are two main concerns of education managers. On the one hand, about half of university graduates do not work in the chosen specialty, which means that the education system is running idle. On the other hand, people with high education remain the key driving force of society. That is why we cannot cut expenses simply by reducing the number of universities. This conflict of interests should be discussed with all the stakeholders in mind – tax payers, students and their parents, government officials, and employers. They all have equal rights. So, there is a need to search for compromises, which will be possible if we find a way to make adequate concessions to find a middle ground for all the conflicting sides.

The wants and needs of teachers and students are more or less clear. First, they want lessons to be interesting and useful both for their personal and professional development. Second, they want universities to be packed with more staff and more learners. Finally, both students and teachers want more money and more comfort. Quite understandably, the government in turn wants to make education more cost-effective while maintaining its quality and accessibility. However, if you think about it, no one is going to play random fragments of symphony to the audience of a classical concert. Then why is it deemed possible to substitute some sort of comic strips for full-fledged lectures and textbooks? In order to find the right answers in the era of digital technology, we will need to combine new media with the traditional educational practices of the book culture epoch.

1.2. Teacher in a world of transition to a digital society

Modernization of education can be thought of as an addition or replacement of traditional "meaningful" learning practices with new interactive learning programs. Today, education is significantly different from the classical one, which was based on humanities and, above all, philosophy [12: 47-77]. Its principal subject was a teacher. The result depended on their knowledge and talent of teaching. After all, education is not only about acquisition of information, but also about transformation of a student. An existential encounter with the teacher radically changes student's life. However, in order to give advice on emerging problems, teacher must be in

constant contact with the student, and conversation should not be reduced to testing.

In his work “On The Future of Our Educational Institutions” F. Nietzsche called for returning from the professor, as a state mouthpiece, to the teacher, as a leader, who forms and improves the human nature. Unfortunately, today teacher in this higher sense seems to be the last romantic in the university that now functions as an educational service enterprise. A kind of reminiscence to the Greek “paideia” is “care of the self” reconstructed in the works of M. Foucault and P. Hadot. Lecturing has ceased to be the basis of learning, and as a result, there is no need in talented lecturers who inspire students to solve fundamental problems of social importance. Wikipedia makes lecturing an unclaimed service.

Many thinkers, writers, and artists in Europe and in Russia understood the task of education wider and deeper than politicians. For instance, Wagner, who conceived a project of a national theatre that aimed to change people spiritually. Nietzsche, though at odds with Wagner, continued his project by other means. His “Zarathustra” was conceived as a new gospel, rejecting the morality of ressentiment, or resentment. Many figures of national culture considered it their task to change the world through books, theatre, music, painting and cinema. They accepted the revolution because they wanted to continue a political upheaval by re-educating body and soul, which they understood to be a backbone of the old system. Unfortunately, bureaucracy did not perceive the people’s initiative and suppressed it in every possible way. Liberal democracy also reassures the left-wing intellectuals that stay in the forefront of the ideology of protest movements and revolutions. Its task is seen in production of knowledge and other cultural values, which are regarded as a commodity. If we take into account new social technologies, then we need to consider that unity today is provided not by literature and art, but by media. In place of aesthetes, artists and critics come art and cultural managers. Manipulating numbers, charts, ratings, finances becomes more important and more highly paid than the ability to create works of art. Art’s claims to authenticity become ridiculous in face of cynical economic demands and excessiveness of public preferences. Consumerist approach to culture led to the development of art industry and show business. In fact, the purpose of culture is to be a symbolic immune system for both human and society, and not to serve a mere entertainment [10: 172–196].

Education community see digital society as something heartless and formal. These critics have pointed towards the reduction of teaching and learning within national policy-making to matters of ‘delivery’, with the role of the teacher reduced simply to one of delivering the means with which to digitally learn and, conversely, the role of the student often reduced to one of passive consumer of tightly defined, controlled and bounded forms of official curricular ‘knowledge’ [17: 33]. It is displacement of quality by quantity, victory of number over letter. It is domination of bureaucracy and technocracy. In response, arguments are made against moralization and humanization. Morality and human rights often lie in source of a protest. Balancing these one-sided assessments, we can assume that society is a complex system that does not obey human aspirations. Since history is “pragmatical”, i.e., events depend on goals and values, it is necessary to reconstruct the ways of connection between human and technology.

Modern high culture is experiencing a global crisis caused by the change of mediums. This is, firstly, a twilight of book era, caused by new electronic and computer technologies and, secondly, a crisis of humanism generally and of classical education in particular. Following the post-industrial today, we step into information and digital society. New computer technologies make it possible to radically modernize an education process, and these opportunities are being implemented before our eyes. Schoolchildren and students are reading less books and getting more information on the Internet.

Digitalization is an inevitable, natural stage of knowledge development [14: 178]. There is so much information that it is easier to rediscover than to find it. Of course, a good bibliographer can find literature on topic better than a search engine, and a text translated by a qualified human translator is better than machine translation. The Internet is like a giant dump, in which it is impossible to find something really important. Information is a junk. Unfortunately, 90% of the books stored in libraries are not used either. On scientific councils we still can distinguish good dissertations from bad ones, but it is not clear what criteria guides a machine when it selects information. It seems to have no distinction of important and unimportant, or even true and false.

Obviously, erudition of a professor is inferior to the Internet. Today, there is so much information that no one can keep it “in mind”, so there are no universal scientists. Hence the creation of automatical processors, translators, search engines. There is a project to create a “theory of everything” that can be built with this kind of machines. Digital technologies cause a negative reaction among humanities scholars. They indicate that in such a way we lose understanding, creativity and other higher human abilities. This caused a surge of research interest to the techniques and practices of classical education [6]. Without excluding the need to preserve them, it is worth looking at digitalization positively and using digital and computer technologies for the benefit of

human. It is obvious that they open up opportunities for education of the masses. Screen culture does not necessarily lead to new barbarism, it opens wide access to world culture and thus promotes humanization, not savagery of the people.

Information society is a new stage of technological development, which affects not only the means of communication, but is also accompanied by profound anthropological and social transformations. It is impossible to understand how modern media works by methods that have developed on the basis of book culture [20 : 166]. New techniques of educational process form not only thinking, but also emotional, volitional, valuable acts of consciousness and even psychosomatic states. It is not only video technology and neuro-linguistic programming, but also all sorts of drugs that suppress some and stimulate other affects and abilities of the students. Education involves an ordinary, healthy student. Meanwhile, there are a large number of people with disabilities. They can be included in the education process thanks to digital technologies. Successes of pharmacology allow to cope with mental problems, for example, with increased affectivity, or aggressiveness. In perspective, it is possible to obtain drugs that improve memory and even creativity.

Neuroscience seeks to control brain activity, which, according to cognitive scientists, determines what humanities scholars call thinking. Returning to the meaningful practices of understanding is not considered to be justified. In fact, these euphoric speeches are not confirmed. Brain signaling activity controls, so to speak, lower reactions, and understanding of meaning is a creative ability [19 : 91-112]. Gene technologies will allow to get rid, for example, of a gene of egoism if it, of course, exists. But even in this case we are not talking about development of traditional pedagogy. On the contrary, new problems will arise. If there are genes for language, intelligence, creativity, freedom, then all these can be controlled. So, it turns these qualities into the opposite. Therefore, genetic engineering is not safe. However, all discoveries meet such problems, and this is not a fault of science and technology, but of the cave thinking of those people who use scientific discoveries to achieve their selfish goals.

New discoveries in cognitive sciences have upended conventional notions about the process of acquiring and transmitting knowledge. Genetic engineering and a fantastic project to re-construct a person make you think about the consequences. As long as they promise to improve people's cognitive abilities, there is no doubt. A new trend – that is protection of animal rights – allows you to predict a project of breeding intelligent non-human animals, i.e. animals with a human-like brain [7]. If intelligent animals, for example, are bred for the needs of production or for humane reasons, then there is a problem of training them. Intelligent animals can and should be educated. Since the task of philosophy is to predict a nature of the future revolution in education, it is worth imagining what it could be [21]. This depends on what breed and for what purposes we seek to receive. The slave was a talking thing, a property of a master and had no rights. And if animals have soul, then the situation changes. Nevertheless, it cannot be ruled out that in pursuit of cheap labor capitalism will use them in its own way. If an animal replaces proletariat, will it not become a subject of world spirit, i.e. of history?

Success of new gene technologies, work on creation of artificial intelligence mean stepping into posthuman, posthumanistic phase of human development [16 : 95]. Human is a product not only of nature, but also of technology With the development of civilization – artificial and technical, social and symbolic reality – we have heard fears about the loss of morality (Rousseau), alienation from the generic essence of human (Marx), the “forgetfulness of Being” (Heidegger). Today we are talking about a new, unheard-of threat. New digital technologies discard previous ideas about human qualities [5].

Recognizing the shortcomings of both human nature and social organism, however, it is necessary to check the consequences of posthumanism. What are we afraid of? Intelligence can be developed on an inorganic basis, replacing the body with prostheses, though frightening painful operations, but forever eliminates diseases. As for emotional experiences, perhaps it would be better if some of them did not exist. It is enough to read novels so that to be horrified by the perversity of human feelings. Advances in new gene technologies provide a chance to get rid of a number of painful experiences, phobias, phantasms, which infected the human consciousness, responding to violence from society with more dangerous perversions. One-sided development of culture generates many negative consequences. Society is filled with unsatisfied desires, envy, thirst for revenge.

The task of intellectuals is to develop and offer to society such technologies of education and humanization of people that would make unnecessary ways of manipulating people practiced in the modern “managed society”. According to G. Lipovetsky, modern society is moving away from insouciance of postmodernism [8]. He noted decline in employment, rising unemployment, decline of education. At the same time, in the halo of anxiety, consumer fever only intensifies. Young people choose profession taking into account the future needs of labor market, hence the continuity of education and retraining. Marriages are becoming longer, investments in children are increasing. People from their youth are concerned about the

future pension. Health care becomes an obsession. Prevention, medical examination, early detection of diseases are aimed at reducing risks and increasing life expectancy. All this suggests that future is becoming very relevant for our contemporaries. People no longer live in one day, modern individualism is burdened and limited by temporality. If earlier companies regulated only working hours, now leisure time has also received economic value. While class contradictions decrease, existential tension is growing. There are more problems and less time to solve them. Hence the constant stress, fatigue, mental disorders. Laziness, carelessness, entertainment are in the past. Discipline, organization, responsibility have replaced them.

According to P. Sloterdijk, restoring warm and close relationships between people can save society [18]. On the contrary, according to N. Luhmann, functional relationships connect people much stronger than personal relationships [11]. The latter cannot be a mainstay of large superhuman state machines at all. They form family organisms and small moral and spiritual communities based on friendship and trust. At the same time, society, as a viable superorganism, is not a result of violence or bureaucratic organization, but grows on the basis of human competencies, which are the most important factor of socialization. Trust and justice, as J. Habermas argued, suggest the formation of a free public that controls the work of institutions from economic to political [3]. A. Papakostas wrote an interesting work that shows how problems, usually related to the department of morality, are effectively solved through social organization [13].

Social reality resembles a city where modern skyscrapers coexist with ancient buildings. New forms of life sooner or later transform and subdue traditional ways, but the new does not become total, because there are always territories not covered by capitalism. If we should suggest tactics of modern social transformations, we could advise to fight for expansion of such territories, not to concede them to market and commerce. The true way to be is to fight for the preservation of human relationships.

Conclusion

Although there is a great number of philosophical programs, as well as specific educational methods and techniques, a methodical analysis in the philosophy of education is still massively under-represented. There is a need to escape striking differences between spirit and nature, subject and object, body and spirit, human and animal to correctly address the education issue. Although all these differences as a basis of our language cannot be fully eliminated, yet it does not exclude the different ways of applying them in a particular situation. Thinkers who claimed the death of Man, Subject, Truth, and other significant notions, are unpopular today, since the new theories reveal the old repressive notions. We should probably live in harmony with nature as well as in harmony with techniques. Digitalization saves us the trouble of tedious work and leaves more space for creativity. It is necessary to realize what machines and computer programs can and cannot do. Hence, the recommendation resulting from our reasoning is to reform education so as not to waste time studying what machines can do, but to teach how to use them for human purposes.

References

1. Athreya B. H., Mouza, C. Thinking Skills for the Digital Generation. Switzerland, 2017. 179 p. DOI: 10.1007/978-3-319-12364-6
2. Bowen W. G. Higher Education in the Digital Age. Princetone, 2013. 192 p.
3. Habermas J. Structural change in the public sphere. Studies on the category of bourgeois society. Moscow, 2016. 344 p. (In Russ.)
4. Imandoust S. B. Relationship between Education and Social Capital. In International Journal of Humanities and Social Science, 2011. № 1 (12). P. 52-57. (In Russ.)
5. Knox J. Posthumanism and the MOOC: opening the subject of digital education. In Studies in Philosophy of Education. 2016. № 35 (3). P. 305-320. DOI:10.1007/s11217-016-9516-5
6. Kositsky N. Synergy Between Digital and Traditional Literacy Practices: A Framework for Building a Reading Culture in a Secondary School: Doctoral Dissertations / University of Massachusetts Amherst, 2016. 174 p.
7. Kozhevnikova M. Hybrids and chimeras of man and animal: from mythology to biotechnology. Moscow, 2017. 151 p. (In Russ.)
8. Lipovetsky G. The Future of Philosophy: Professional and Institutional Aspects. St. Petersburg, 2011. P. 248-289. (In Russ.)
9. Littlejohn A., Hood N. Reconceptualising learning in the digital age. The [Un]democratizing potential of MOOCs. Springer Singapore, 2018. 108 p. DOI: 10.1007/978-981-10-8893-3
10. Markov B. Being Human in the Modern World / St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2013.

432 p. (In Russ.)

11. Luhmann N. Self-Descriptions. Moscow, 2009. 320 p. (In Russ.)
12. Nussbaum M. Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities. Princeton, NJ, 2010. 158 p.
13. Papakostas A. Formation of a civilized public sphere: distrust, trust and corruption. Moscow, 2016. 224 p. (In Russ.)
14. Peters M. A., Jandrić P. Philosophy of education in the age of digital reason. Review of Contemporary Philosophy, 2015. № 14. P. 162–181.
15. Plagens G. Social Capital and Education: Implications for Student and School Performance. Education & Culture, 2011. № 27 (1). P. 40-64.
16. Pötzsch H., Hayles K. Posthumanism, technogenesis, and digital technologies: A conversation with N. Katherine Hayles. The Fibreculture Journal. 2014. № 23. P. 95–107.
17. Selwin N. Schools and Schooling in the Digital Age. A Critical Analysis. London&New-York, 2010. 194 p.
18. Sloterdijk P., Heinrichs H.-J. Sun and death: Dialogical research. St. Petersburg, 2015. 450 p. (In Russ.)
19. Smirnova N. M., Demchenko L. M. Creativity as a process of creating meanings. In Creativity: an epistemological analysis. Moscow, 2011. P. 91–112. (In Russ.)
20. Sokolova N. L. Popular culture web 2.0: to cartography of the modern media landscape. Samara, 2009. 166 p. (In Russ.)
21. Timofeeva O. History of animals. Moscow, 2017. 208 p. (In Russ.)
22. Volkova S. Homo educandus's search for meaning. Petrozavodsk, 2019. 248 p. (In Russ.)
23. Young Sh. From Disruption to Innovation: Thoughts on the Future of MOOCs. Educational Studies. 2018, № 4. P. 21–43. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-21-43
24. Zawacki-Richter, O., Qayyum, A. The state of open and distance education. Open and distance education in Asia, Africa and the middle east. National perspectives in a digital age. Singapore, 2019. P. 125–140. DOI: 10.1007/978-981-13-5787-9

Received: 24.11.2020

EDUCATION DILEMMAS IN THE DIGITAL ERA: PHILOSOPHICAL APPROACH

**VOLKOVA
SVETLANA**

*Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Department of Philosophy
and Cultural Studies,
Petrozavodsk, Russian Federation, svetavolkov@ya.ru*

**MARKOV
BORIS**

*Doctor of Philosophy,
Professor,
St. Petersburg State University, Institute of Philosophy,
Department of Philosophic Anthropology,
St. Petersburg, Russian Federation, bmarkov@mail.ru*

Keywords:

Keywords: philosophy
education
digitalisation
online courses
tests
education policy
quality of education
philosophy of education
human being
online courses
digital economy
education outcomes

Summary:

The article presents philosophical and critical exploration of education in the framework of intensive informatization of modern society. The use of digital technology is nowadays a key feature of educational practices in the world. Yet despite its prominence, digital technologies in education continue to be an issue that rarely receives sustained critical attention and thought. Tackling the wider picture, addressing philosophical, cultural, economic aspects of education in digital age, the study offers to make sense what happens and what doesn't happen, when the digital and educational come together. Both positive and negative consequences of the spread of e-learning systems and technologies are analyzed. Examining contemporary education in terms of social justice, equality and meaningfulness the authors formulate the key tasks facing the philosophy of education in the modern digital era. The authors conclude that it is necessary to supplement electronic educational technologies with traditional educational practices. In particular they examine the trends and prospects of cognitive research and biotechnologies in the light of their influence on the human ideal that characterizes contemporary education. The authors argue that a serious and fruitful comprehension of education in the digital age requires a revision of the classic opposition of the subject and object, spirit and body, man and animal.

ЦЕРКОВЬ ТИХВИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ В ДЕРЕВНЕ ЮДМОЗЕРО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ. ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА

**БОДЭ
АНДРЕЙ
БОРИСОВИЧ**

*кандидат архитектуры,
заведующий сектором «Деревянное зодчество»,
НИИ теории и истории архитектуры и
градостроительства, сектор «Деревянное
зодчество»,
Москва, Российская Федерация,
bode-niitag@yandex.ru*

**ЖИГАЛЬЦОВА
ТАТЬЯНА
ВАЛЕНТИНОВНА**

*кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и религиоведения,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, кафедра культурологии и
религиоведения,
Архангельск, Российская Федерация),
zhitava@gmail.com*

Ключевые слова:

Онежское Поморье
Юдмозеро
деревянное зодчество
строительная история
церковная архитектура

Аннотация:

В статье раскрываются архитектурные особенности трех строительных этапов Церкви Тихвинской иконы Божьей матери в деревне Юдмозеро, Онежского района Архангельской области, выявленных в результате анализа архивных данных Государственного архива Архангельской области (ГААО). Строительные этапы связаны с перестройкой часовни в церковь в 1863 году и постройкой новой паперти и звонницы в 1907 году. Церковь представляет собой тип «четырёхстенки» с пятистенным алтарем. Паперть и звонница утрачены. Натурное обследование памятника позволило отнести данную церковь-часовню к типу «часовни-молитвенного дома», сочетающего в себе признаки жилого дома и часовни. От часовен Архангельской и Вологодской областей или Карелии его отличает основной сруб, схожий с избой. Признаками часовни является глава и притвор с шатровой звонницей. В результате исследований выполнена реконструкция облика Юдмозерской часовни конца XVIII века и начала XX века; проведен краткий анализ отличительных черт аналогов данного типа постройки в деревнях Ворзогоры, Малошуйка, Нименьга, Подпорожье. Авторы приходят к выводу о различиях в архитектурных традициях Поморья и материковой части Русского Севера и выдвигают гипотезу, требующую дополнительного изучения, о связи распространения «часовни-молитвенного дома» со старообрядчеством.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

ЦЕРКОВЬ ТИХВИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ В ДЕРЕВНЕ ЮДМОЗЕРО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ. ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА *

Введение

Деревянное зодчество в истории отечественной культуры занимает одно из самых заметных мест в силу своей самобытности, оригинальности и отсутствия аналогов в культурах других стран мира. Развиваясь на огромной территории в течение нескольких веков, оно достигло необычайной художественной выразительности и конструктивного совершенства. Свидетелями того являются выдающиеся общеизвестные памятники деревянного зодчества, такие как ансамбль Кижского погоста, самая высокая деревянная церковь в стране – Вознесенская в селе Пияла (44 м), храмовые комплексы в селах Нёнокса, Турчасово и многие другие. Наряду с перечисленными шедеврами на Русском Севере сохранилось очень много относительно небольших и менее известных деревянных храмов, каждый из которых обладает своей историей и неповторимой архитектурой. Рассмотрим совершенно не изученный и мало известный объект культурного наследия – церковь Тихвинской иконы Божьей Матери в деревне Юдмозеро Онежского района Архангельской области.

Деревня Юдмозеро относилась к приходу села Нименьга Онежского уезда и находилась на значительном от него расстоянии (около 20 верст). Деревня Юдмозеро часто называется «приписной» по отношению к Нименьге, поскольку там не было самостоятельного прихода. В архивных документах Юдмозеро не выделяется как отдельное поселение при указании численности населения [i] и даже включается в состав села Нименьга [ii]. Однако, в иных документах деревня Юдмозеро указывается и как самостоятельное поселение, например: «Два селения, Нименское расстоянием от церкви одна верста, а другое Юдмозерское селение расстоянием в 20 верстах, и оныя селения состоят оба непотракту, а в устороньи от других приходов» [iii]. По сравнению с Нименьгой деревня Юдмозеро была относительно небольшой. Если в Нименьге по данным 1912 года было 233 дома, в которых проживало 590 мужчин и 713 женщин, то в деревне Юдмозере – 34 дома, 88 мужчин и 98 женщин [iv].

Деревня Юдмозеро красиво расположена в распадке между холмами по обеим берегам протоки, соединяющей два небольших озера. Сейчас в деревне осталось не более десятка домов, и лишь в нескольких из них сезонно живут люди. На низком берегу у самой воды стоит церковь. Сейчас она лишена своего завершения и лишь форма плана с пятистенным алтарем напоминает о назначении этой постройки. При осмотре церкви (рис.1) сразу видно, что она состоит из разновременных частей и имеет сложную историю строительства.

Рис. 1. Церковь Тихвинской иконы Божьей матери в деревне Юдмозеро. Фотография Г.Г. Шеянов, 2020.

Fig. 1. The Church of Theotokos of Tikhvin in Yudmozero, Arkhangelsk Region. Photo by G.G. Sheyanov,

2020.

Строительная история

Самое раннее известное нам упоминание об Юдмозерской часовне во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской зафиксировано в Клировых ведомостях 1799 года: «Втомже приходе в Юдмозерской деревни часовня Тихвинская Богородицы расстоянием от прихода в 10 верстах». Там же указывается, что строение часовни «твердое», то есть не требует ремонта^[v]. Данные 1820 года подтверждают, что здание часовни «прочно»^[vi].

Самые ранние известные нам сведения о размерах часовни содержатся в церковных описях 1819: в высоту 2 сажени, в длину и ширину по 4 сажени^[vii]. Там же находится информация об иконостасе «простой работы» и Святых Образах в нем^[viii].

В идентичных описях Нименьгского Переображенского прихода 1833^[ix] и 1842^[x] годов, сообщается об устройстве часовни в Юдмозеро более подробно. Точной даты постройки не указано: «построена издревле»^[xi]. Размеры часовни: в высоту 3 сажени, в длину и ширину по 4 сажени. Часовня завершалась одной главой, обитой «чешуею». Крыша была покрыта тесом^[xii]. Видим, что высота часовни указана на 1 сажень выше, чем в более раннем документе 1819 года, однако, данных о надстройке часовни в архивных документах нет.

Три окна располагались на южной стороне, одно на северной, одно – в паперти на южной стороне. С западной стороны для входа в паперть располагалось деревянное крыльцо с односкатной крышей^[xiii]. В документе указано: «из паперти вверх придел с колокольней, 2 лестницы, наколокольни 3 колокола»^[xiv]. Приделом называют часть здания, где расположен алтарь с престолом. Вероятно, в данном случае, слово «придел» использовано в значении «пристройка» или «надстройка».

Эти данные дополняются описанием 1856 года. Из него известно, что одноэтажная юдмозерская часовня «с притвором» была «устроена иждивением крестьян, проживающих при сей деревне»^[xv]. Упоминается, что крыша часовни была двускатная, «над часовней одна глава и крест осьмиконечный»^[xvi]. На колокольне было 4 колокола весом 5 пудов, 30 фунтов, 20 фунтов, 15 фунтов^[xvii]. Вес колоколов обычно подробно расписывался для колоколен приписных храмов. Это исключение, возможно, связано с необходимостью упомянуть появление пятого колокола: «1 колокол в 5 пудов в 1856 пожертвован крестьянином Романом Шибаниным»^[xviii]. Причина жертвования не указана.

Документ 1882 года сообщает, что в 1863 году часовня была перестроена в приписную церковь и освящена священником соседнего Малошуйского прихода Иоанном Поповым^[xix]. Для этого был прирублен пятигранный алтарь с главкой: «построена в виде квадрата, а восточная сторона выделяется полукружием. Кровля церкви на два ската по деревянным стропилам. Над кровлею церкви возвышается одна глава, другая над Олтарем»^[xx]. Церковь обшита тесом и окрашена «охрою», главки «медянкою», кресты «охрою». В этом же документе 1882 года содержится очень важное для нас сведение о том, что над папертью возвышалась шатровая колокольня: «колокольня при сей приписной церковью находится над папертью, шатровая, обшита тесом и окрашена вохрою»^[xxi]. Упоминается и пять колоколов, видимо, те же, о которых говорилось в 1856 г.

В 1901 году в клировых ведомостях упоминается, что церковь была обшита тесом и окрашена белилами на средства крестьян деревни Юдмозерской^[xxii]. Как мы увидим дальше, эти сведения очевидно ошибочны. Обшивка прибита коваными гвоздями, явно относящимися не к 1901 году, и к тому же на досках виден старый слой охры, а поверх перекрашенный белилами. Обшивку, скорее всего, не меняли с 1863 года.

1 марта 1906 года прихожане написали Прошение о пристройке новой паперти со звонницею к Юдмозерской церкви^[xxiii], которое и было одобрено Архангельской Духовной консисторией.

В деле о прошении имеется план и фасад. Сразу бросается в глаза несоответствующая надпись: «Проект на перестройку часовни в церковь». На плане изображена церковь с небольшим притвором, а предлагаемая паперть нарисована явно другой рукой и в другой технике (рис. 2).

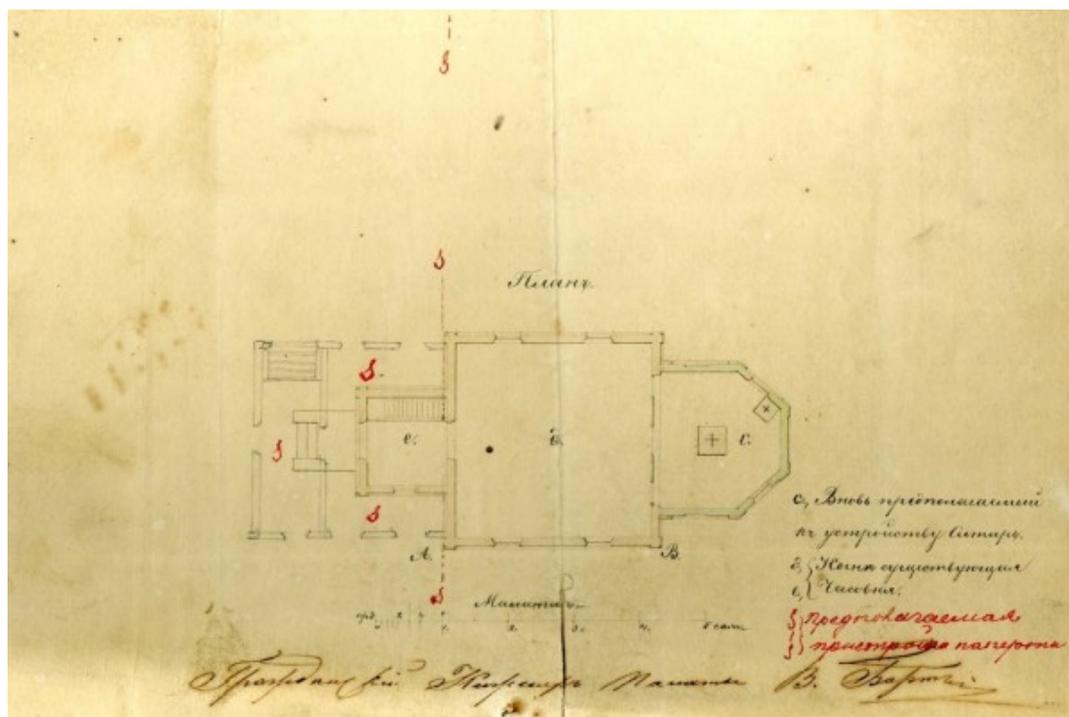

Рис. 2. Проект на перестройку часовни в церковь. План // ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1851. Л. 8. Дело о пристройке паперти к церкви, находящейся в д. Юдмозеро Нименьгского прихода Онежского уезда, 1906-1907.

Fig. 2. Project of the reconstruction of the chapel into church // State Archive of the Arkhangelsk Region, F. 29. Inv. No. 4. Vol. 3. Case 1851. L. 8. The Case of building an extension (narthex) to the church in the village of Yudmozero, Nimenga Parish, Onezhsky District, 1906-1907.

И тут раскрывается интересная история. План подписан гражданским инженером Архангельской Палаты государственных имуществ В. Бартом. Известно, что гражданский инженер Барт чертил план Уемского инженерно-ремесленного училища (Лявлинская волость) в 1862 году. [З: 78]. Следовательно, мы видим, конечно же, план не 1906 года, а план перестройки часовни в церковь 1862 года. Причем на плане одним цветом обозначена «ныне существующая часовня», состоящая из основного четверика и притвора, и другим цветом «вновь предполагаемый к устройству Олтарь». В 1906 году на этом плане, имевшем более чем сорокалетнюю давность, была нарисована новая паперть и красными чернилами подписано «предполагаемая пристройка паперти». То есть на одном чертеже представлено три строительных этапа, через которых прошла юдмозерская часовня-церковь.

На фасаде в одной графической технике изображена церковь с небольшим притвором и алтарем, в другой технике - паперть и звонница. Завершение основного сруба отнюдь не двухскатное, как указывалось в старых документах, а шатровое. Этот вопрос мы разберем чуть позже. Самое важное на этом чертеже - это изображение звонницы, ныне утраченной.

Из предыдущих архивных источников, известно, что верх колокольни над папертью был шатровым [xxiv]. Можно предположить, что новая колокольня получила купольный верх со шпилем, поскольку согласно рапорту местного священника от 10 января 1907 года, вновь пристроенная к Юдмозерской Тихвинско-Богородицкой приписной церкви паперть со звонницей «произведена во всем согласно плану» [xxv]. Таким образом, в 1907 году внешний облик здания претерпел существенные изменения.

Исторические источники дают достаточно много информации о строительной истории юдмозерской часовни. Обратимся теперь к натурному обследованию памятника.

Натурное обследование церкви

Самую старую часть постройки очевидно составляет основной четверик. Он имеет непривычную продольно вытянутую прямоугольную форму, тогда как обычно основные срубы традиционных деревянных церквей или часовен были квадратные или немного вытянутые поперек [2: 152]. Сруб не высокий и не имеет повала. Пологая двухскатная крыша, судя по бревенчатым конструкциям и состоянию бревен, первоначальная. По пропорциям этот сруб вообще напоминает жилой дом. Кроме

того, с восточной стороны имеются подкровельные кронштейны, которые характерны для жилых домов и на церковных зданиях почти никогда не делались.

На южной стене имеются следы двух парных окон. Позднее они были заложены и превращены в два одинарных окна, увеличенные в высоту. На северной стене первоначально было одно окно. Опись 1842 года содержит упоминание о трех окнах на южной стороне. Но судя по одинаковому устройству, два парных окна были сделаны первоначально. Вокруг них бревна традиционно затесаны, внизу и вверху на затесках вырублены полочки, указывающие вертикальные размеры колод. Сбоку от позднейшего окна сохранился небольшой фрагмент первоначального обрамления. Непривычным является прямое соединение вертикальной колоды и верхней перемычки. Рассвет, то есть скос на колоде, сделан снаружи – тоже необычный прием. Обычно рассветы делали внутри. Можно с небольшой долей вероятности предположить, что до этих парных окон были другие – те самые три окна, упоминаемые в описи 1842 года, позже примерно в середине XIX века, переделанные. Но, правда, следов от первоначальных трех окон не осталось.

Судя по расположению окон, не исключено, что основной сруб отапливался изначально. Печь должна была находиться в северо-западном углу. На одной из фотографий середины XX века видна на крыше в этом месте труба. Отверстие в северной стене для дымовой трубы явно неисторическое.

На западной стене четверика снаружи имеются врубки, свидетельствующие о существовании первоначального притвора. Он был ассиметричным, что совсем не характерно для церковных построек. Вход из притвора в основной сруб позднее был растесан, но по следам хорошо читается его первоначальный размер. Слева от входа прорублено горизонтальное окошко, скорее всего, для сбора денег в кружку, которая подвешивалась изнутри. Следы на стене четверика позволяют предположить, что лестница наверх была с северной стороны.

Упомянутый в источниках шатровый верх предполагает, что сруб имел восьмигранный ярус. Скорее всего, ярус колокольни располагался над западной частью притвора и по ширине был немного меньше его, то есть звонница не примыкала вплотную к основному срубам. На такую постановку восьмерика косвенно намекает сгнивший западный фронто́н основного четверика, где образовывался карман, собирающий сырость. На основе следов на западной стене мы предполагаем, что сруб звонницы располагался не по оси притвора, а с северной стороны. Ничего более определенного, к сожалению, о первоначальной звоннице мы сказать не можем. На нашей графической реконструкции ее формы воспроизведены по аналогии с колокольной в Унежме до перестройки. Дата ее строительства 1792 год [4] вполне позволяет ее использовать в качестве наиболее вероятного аналога.

Исторические источники говорят о наличии главы. От нее сохранился фрагмент осевого столба. Многие главы поморских церквей ставились на восьмигранные постаменты, например, главы церквей Никольской в Ворзогорах, Зосимы и Савватия в Ворзогорах, Сретенской в Малашуйке. Однако дата постройки юдмозерской часовни – конец XVIII века более склоняет к тому, что форма главы могла быть такой, как на Введенской церкви 1793 года в Ворзогорах.

Чертеж 1862 года, сделанный для перестройки часовню в церковь, показывает здание не похожее на то, что мы видим по результатам обследования. Возможно архитектор и не видел часовни и рисовал примерный облик, который должна была получить постройка после реконструкции. Двухскатная крыша по проекту переделывалась в шатровую. Притвор показан симметричным и без звонницы

На втором строительном этапе в 1863 году, когда был пристроен алтарь и произведена обшивка стен, архитектурный облик здания действительно изменился, но не столь радикально, как показано в проекте. Конструкции сруба подтверждают, что алтарь пристроен позднее. Врубки бревен алтаря, сделанные в половину «ласточкина хвоста» для прочности снаружи дополнены клиньями. Внутри алтаря на стене имеется интересная врезка, видимо, предназначавшаяся для закладного креста. На восточной стене сохранились фрагменты обшивки, прибитой коваными гвоздями с окраской охрой и поверх нее белой краской.

Оконные проемы были немного увеличены в высоту и вместе с тем южные парные окна превращены в одинарные путем их закладки. На северной стене существующее окно также было увеличено в высоту и прорублено еще одно окно так, что расположение окон в основном четверике стало более регулярным.

Над крышей алтаря была сделана главка. Была ли она стилистически такая же как глава на основном четверике или иная? Не переделывалась ли и старая глава при этой реконструкции? На основании имеющихся данных (рис. 3) пока на эти вопросы мы не можем ответить.

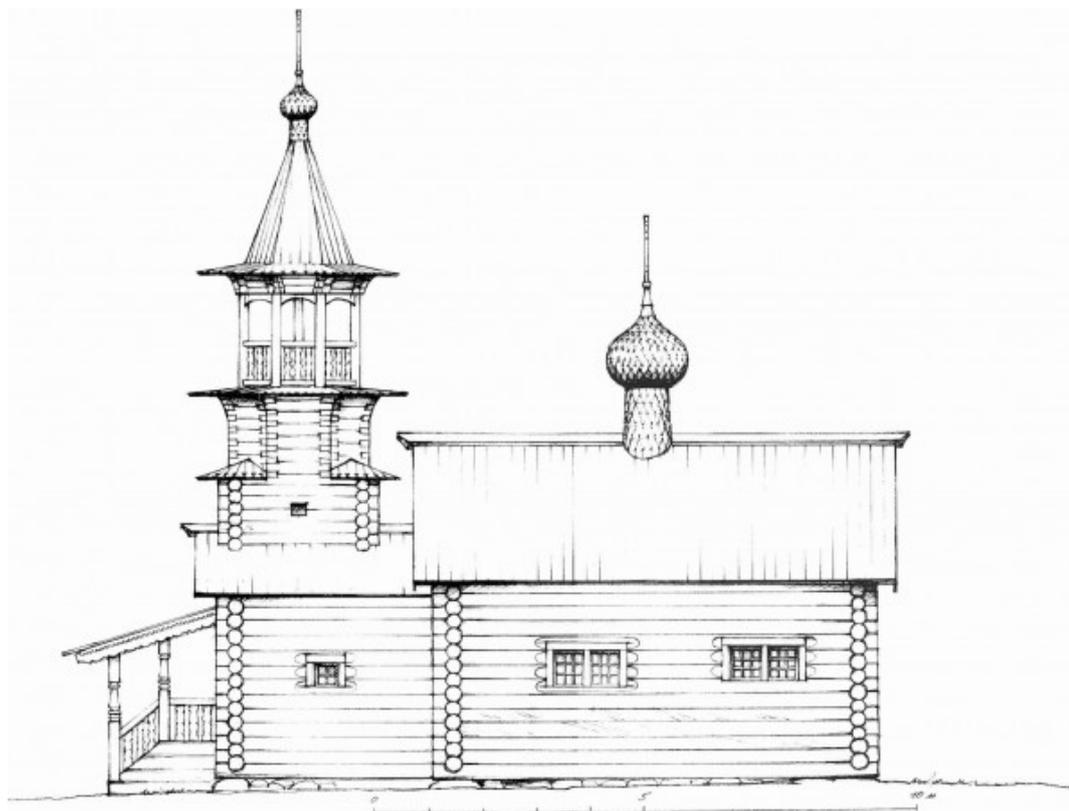

Рис. 3. Реконструкция первоначального облика, конец XVIII в. Рис. А.Б. Бодэ.

Fig. 3. Reconstruction of original appearance, end of the 18th century. Drawing by A.V. Bode.

Третий строительный этап в 1907 году выразился в строительстве новой паперти и звонницы. Эта часть здания заметно отличается от более старого основного четверика и алтаря. В паперти сделаны высокие окна, соответствующие вкусам своего времени, их расположение строго симметрично относительно продольной оси. Обшивка стен крепится на промышленных гвоздях. Верхняя часть звонницы ныне утрачена. Старых фотографий, на которых она была бы видна, не выявлено. Поэту мы реконструируем звонницу только на основании натуральных обследований и старого проектного рисунка. Звонница была совсем небольшая, шириной около 3 м, квадратная в плане. По расположению следов от утраченных балок видно, что звонница имела четыре столба. Судя по рисунку, она завершалась восьмигранным куполом и шпилем. Подобные завершения типичны для колоколен Поморья и нижнего Поонежья. Таково Ближайшим аналогом формы завершения может быть колокольня в селе Нименьга. Рисунок резных балясин можно позаимствовать со старой фотографии крыльца Никольской церкви в Ворзогорах.

Итак, насколько позволили имеющиеся материалы, в общем мы выявили строительную периодизацию часовни-церкви в Юдмозере. Однако в силу значительных утрат, ни на одном этапе мы не можем полностью и достоверно реконструировать ее архитектурный облик (рис. 4).

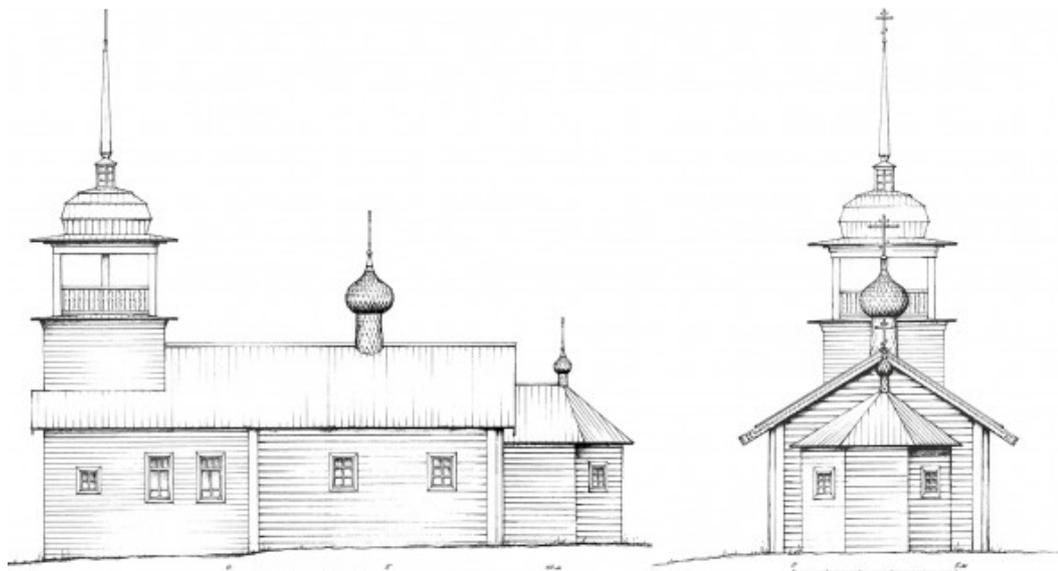

Рис. 4. Реконструкция облика после 1907 года. Южный фасад (слева), восточный фасад (справа).
Рис. А.Б. Бодэ.

Fig. 4. Reconstruction of appearance after 1907. South facade (left), East facade (right). Drawing by A. B. Bode.

Первоначальная часовня Тихвинской иконы Божьей Матери с точки зрения истории архитектуры представляет наибольший интерес. Перед нами достаточно необычный тип здания. От привычного облика обычно небольших часовен Архангельской и Вологодской областей или Карелии его отличает основной сруб, совершенно схожий с избой. Признаками часовни в данном случае является глава и притвор с шатровой звонницей. Подобную постройку можно назвать скорее молитвенным домом, чем часовней.

Для того, чтобы понять, почему юдмозерская часовня столь непривычна, надо рассмотреть аналоги и задаться вопросом: что из себя представляли поморские часовни?

Часовен в Поморье известно немного. В Нименьском приходе были две кладбищенские часовни. Первая часовня во имя Святого Иоанна Златоуста была построена в 1839 году [xxvii]. После пожара 1875 года, когда сгорели обе приходские церкви, к часовне был пристроен алтарь для превращения ее в церковь [xxviii]. Согласно описанию, церковь имела двускатную кровлю, над которой была «восьмерня» с одной главой, центральную часть «в виде квадрата», пятигранный алтарь «полукружием» с главкой, паперть с односкатной крышей, другая глава была над алтарем [xxviii]. Эта часовня-церковь интересна для нас тем, что она достаточно старая. С юдмозерской постройкой ее роднит двускатная кровля основного сруба и наличие главки над алтарем после превращения их в церкви. «Восьмерня» с одной главой – это очевидно глава на восьмигранном ярусе-постаменте. Примеров таких глав на поморских церквях XIX века, как мы уже говорили, есть немало.

Вторая кладбищенская часовня во имя Святителя Алексия митрополита Московского строилась с 1898 по 1908 годы на новом кладбище Кузминиха. Известны размеры построенной часовни: «длина 9 аршин, ширина 7 ½ аршин, внутри от пола до потолка 4 ½ аршина и высота всего здания в стенах 4 сажени или 3 ½ саж» [xxix]. Эта часовня размерами в плане чуть меньше, чем юдмозерская, но высота ее заметно больше. Видимо она обладала иными, более стройными пропорциями, то есть по своему облику была более похожа на часовню. Из двух кладбищенских часовен в Нименьге видимо часовня Иоанна Златоуста была наиболее схожа с юдмозерской часовней.

Еще одна часовня-церковь, требующая сравнения, находится в соседнем селе Ворзогоры. Это кладбищенская церковь Зосимы и Савватия (рис. 5).

Рис. 5. Церковь Зосимы и Савватия XIX века в с. Ворзогоры. Фото Н. Розова, 1969 // Архангельский краеведческий музей. КФОФ-3691

Fig. 5. The Church of Zosima and Savvaty, 19th century. Vorzogory Village. Photo by N. Rogov, 1969. // Arkhangelsk Regional Lore Museum. KFOF-3691.

Дата ее постройки точно не установлена. Описание 1833 года говорит о ней так: «... построена с давних времен иждивением крестьян, с дозволения Крестного Монастыря духовных властей, на каменном фундаменте, в высоту две сажени, в ширину три, в длину четыре, покрыта на два ската крышкою деревянною, на ней крест осьмиконечный деревянный, два окна, в них окончины стеклянные и решетки железные, двери деревянные на крюках и петлях железных, замок висучий» [xxx]. Это очень похоже на то, что мы видим в Юдмозере, даже в еще более простом варианте – без главы.

Есть сведения о том, что часовня в Ворзогорах была построена в 1850 году, а в 1870 году переделана в церковь путем пристройки алтаря [xxxii]. Основной сруб ныне существующей постройки по размерам соответствует описанию 1833 года. Возможно в 1850 году была не построена новая часовня, реконструирована старая. Но это даже не важно. Перед нами очевидно один и тот же тип здания. Назовем его условно часовня-молитвенный дом.

В ворзогорской часовне после всех перестроек имеются такие же два парных окна на южной стене. На северной стене расположено одно парное окно, оставляя неосвещенным северо-западный угол, где могла быть печь. Основной сруб сейчас имеет уже не первоначальное покрытие, но если представить его с двухскатной крышей высотой в 2 сажени, то по облику он очень похож на обыкновенный жилой дом.

Еще один подобный пример мы находим в другом соседнем селе Малошуйке, где в 1884 году была построена кладбищенская часовня Архангела Михаила и святых Апостолов Петра и Павла. По описанию часовня очень схожа с Юдмозерской часовней: кладбищенская часовня в Малошуйке была достаточно приземистой (высота 2 сажени) и также состояла из квадратного в плане сруба (длина 3 и ½ сажень и ширину 3 сажени) и притвора (1 саж.) [xxxiii]. То есть общая длина составляла чуть более 4 сажени, как и в Юдмозерской часовне. Часовня в 1915 г. была перестроена в церковь. Для этого был прирублен алтарь длиной 2 сажени, шириной 3 сажени [xxxiiii]. Церковь ныне утрачена.

Аналоги юдмозерской часовне можно найти и вокруг села Подпорожье. В приходе в деревне Амосовская (Камениха) была часовня Собора Архангела Михаила 1776 года. Она имела размеры в плане 2,5 x 2,5 сажени, высоту – 3 сажени и двухскатную кровлю. Эта часовня могла быть сходна с кладбищенской часовней Святителя Алексия в Нименьге. Другая часовня Рождества Богородицы в деревне Грибановская 1725 или 1775 года в длину была 2,5 печатных сажени, в высоту – 3 сажени и покрыта на два ската без главы. Здесь прослеживается сходство с часовней Зосимы и Савватия в Ворзогорах на первом строительном этапе. Третья часовня Великомученика Георгия в деревне

Наумовская (Потайболье) имела ширину 2,5 сажени, длину с папертью – 5 печатных сажен и высоту – 3 сажени. Часовня была покрыта двухскатной крышей с главой [xxxiv]. Описание этой часовни наиболее похоже на часовню в Юдмозере.

Как мы видим, среди часовен в окрестностях Нименьги есть постройки, напоминающие Юдмозерскую часовню в своем первоначальном виде. Их общими признаками можно назвать значительную площадь помещения основного сруба, сопоставимую отнюдь не с часовней, а с избой средней величины. Также для этих построек характерны приземистые пропорции сруба, отсутствие повала и двухскатная крыша, как на жилых домах. Сведений о наличии в них отопления не имеется, но наличие у нескольких объектов трех окон с глухим северо-западным углом заставляет задуматься, что эти здания могли отапливаться. Этот вопрос требует дополнительных исследований.

Заключение

Подобные часовни-молитвенные дома можно сопоставить с отдельно стоящими трапезными, которые до нашего времени не сохранились, но известны по описаниям [1]. На некую самостоятельность теплых трапезных у холодных церквей указывает их конструктивная не связанность. Трапезные в силу того, что отапливались, были менее долговечными и чаще заменялись новыми по сравнению с неотапливаемыми храмами.

В любом случае на примере часовни-церкви Тихвинской иконы Божьей Матери в деревне Юдмозере и рассмотренных аналогов мы видим ранее не выявлявшийся и не рассматривавшийся архитектурный тип. Он сочетает в себе признаки жилого дома и часовни. Бытование этого типа здания надо рассматривать в связи с его функцией, которая требует уточнения. Не связано ли распространение часовни-дома со старообрядчеством? Не охватывает ли распространение часовен-молитвенных домов все Беломорье или ограничивается районом нижней Онеги? Эти вопросы ждут дальнейших исследований. Выявленный тип явно свидетельствует о различиях в архитектурных традициях Поморья и материковой части Русского Севера, где подобные постройки не встречаются.

Примечания:

[i] ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 139. Л. 8. Клировая ведомость церковей Онежского уезда, 1850.

[ii] ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 8. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, 1898.

[iii] ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 29. Л. 6. Опись имущества и угодий церковей Нименского прихода, 1833.

[iv] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 2176. Л. 6. Клировая ведомость Нименского прихода Онежского уезда, 1912.

[v] ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 8. Л. 217. Клировая ведомость, 1799.

[vi] ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 12. Л. 168. Клировые ведомости церковей г. Архангельска, Архангельского, Кемского, Мезенского, Онежского, Пинежского, Холмогорского и Шенкурского уездов, 1820.

[vii] ГААО. Ф. 29. О. 31. Д. 193. Л. 237 Опись церковного имущества по Онежской округе, 1819.

[viii] Там же.

[ix] ГААО. Ф. 462. О. 1. Д. 29. Л. 3-4. Опись имущества и угодий церковей Нименского прихода, 1833.

[x] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 471. Л. 2. Опись церковного и ризничного имущества Нименского Преображенского прихода, 1842.

[xi] Там же.

[xii] Там же.

[xiii] Там же.

[xiv] Там же.

[xv] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 768. Л. 14. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Нименгского Преображенского Прихода, 1856.

[xvi] Там же.

[xvii] Там же. Л. 15.

[xviii] Там же. Л. 15.

[xix] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1217. Л. 14-15. Главная опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1882.

[xx] Там же.

[xxi] Там же. Л. 16.

[xxii] ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 10. Л. 41. Клировые ведомости по Онежскому уезду, 1901 / Ведомость о Церкви Онежского уезда Нименгскаго прихода, 1901.

[xxiii] ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1851. Л. 1. Дело о пристройке паперти к церкви, находящейся в д. Юдмозеро Нименгского прихода Онежского уезда (прилагается чертеж), 1906-1907.

[xxiv] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1217. Л. 16. Главная опись церковного и ризничного имущества Нименгского Преображенского прихода, 1882.

[xxv] ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1851. Л. 13. Дело о пристройке паперти к церкви, находящейся в д. Юдмозеро Нименгского прихода Онежского уезда (прилагается чертеж), 1906-1907.

[xxvi] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 768. Л. 13. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Нименгскаго Преображенского Прихода, 1856.

[xxvii] ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 593. Л. 2; 7. Дело о постройке новой церкви в Нименгском приходе Онежского уезда вместо сгоревшей 1875-1883.

[xxviii] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1217. Л. 12. Главная опись церковного и ризничного имущества Нименгского Преображенского прихода, 1882.

[xxix] ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1453. Л. 5. Дело по прошению крестьянина Нименгской волости Алексея Лебедева о разрешении устроить часовню на кладбище в Нименгском приходе Онежского уезда, 1897 - 1909.

[xxx] ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-2. Опись имуществ и угодий церковей Ворзогорского прихода, 1833.

[xxxi] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1141. Л. 13. Клировая Ведомость о Церквях Архангельской Епархии Онежского уезда 1-го Благодичинского округа по Ворзогорскому приходу, 1878.

[xxxii] ГААО Ф. 29. О. 31. Д. 1637. Л. 10. Главная опись церковного и ризничного имущества Архангельской Епархии Онежского уезда Малошуйского прихода церковей, 1895.

[xxxiii] ГААО Ф. 29. О. 4. Т. 3. Д. 2056. Л. 13. Дело о постройке кладбищенской часовни в церковь при Малошуйской приходской церкви Онежского уезда, 1914-1915.

[xxxiv] Часовни Подпорожского прихода. Экспозиция Онежского историко-мемориального музея.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-012-00356 «Архитектура деревянных храмов Онежского Поморья XVII-XIX веков. Типология, эволюция, региональные традиции».

Список литературы:

1. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. 278 с.

2. Орфинский В.П., Яскеляйнен А.Т. Хронологическая атрибуция сооружений деревянного культового зодчества // Народное зодчество: межвуз. сб.: к 60-летию Петрозав.гос.ун-та. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. С. 147-160.

3. Сметанин В.А. История строительства Уемского учебно-ремесленного училища // Известия Русского Севера. 2015. № 5-6 (37-38). С. 24-27.

4. Федосеева Е.Е. Архитектурный ансамбль Унежемского прихода. История строительства // Деревянное зодчество. Новые материалы и исследования. Вып. 1. М.-СПб. 2010. С. 201-226.

REFERENCES

1. Orfinskij V.P., Grishina I.E. Tipologija derevjannogo kul'tovogo zodchestva Russkogo Severa. Petrozavodsk: PetrGU, 2004. 278 p.

2. Orfinskij V.P., Jaskelajnen A.T. Hronologicheskaja atribucija sooruzhenij derevjannogo kul'tovogo zodchestva // Narodnoe zodchestvo. Petrozavodsk: PetrGU, 1999. P. 147-160.

3. Smetanin V.A. Istorija stroitel'stva Uemskogo uchebno-remeslennogo uchilishha // *Izvestija Russkogo Severa*. 2015. № 5-6 (37-38). P. 24-27.

4. Fedoseeva E.E. Arhitekturnyj ansambl' Unezhemskogo prihoda. Istorija stroitel'stva // *Derevjannoe zodchestvo. Novye materialy i issledovanija*. Vyp. 1. M.-SPb. 2010. P. 201-226.

THE CHURCH OF THEOTOKOS OF TIKHVIN IN YUDMOZERO, ARKHANGELSK REGION. HISTORY AND ARCHITECTURE

BODE
Andrey

*PhD in Architecture,
Head of the Wooden Architecture Sector,
Scientific Research Institute of Theory and History of
Architecture and Urban Planning,
Moscow, Russian Federation, bode-niitag@yandex.ru*

ZHIGALTSOVA
Tatiana

*PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Northern (Arctic) Federal University named after M. V.
Lomonosov, Department of Cultural and Religious
Studies,
Arkhangelsk, Russian Federation, zhitava@gmail.com*

Keywords:

Onega Pomorye
Yudmozero
wooden architecture
construction history
church architecture

Summary:

The article describes three stages of constructing the Church of the Theotokos of Tikhvin in the village of Yudmozero located in the Onega district of the Arkhangelsk region, which were discovered through the analysis of data retrieved from the State Archive of the Arkhangelsk Region, and the architectural features of these stages. The construction stages correlate with rebuilding the church in 1863 and replacing its porch and erecting a bell tower in 1907. The church is a quadrangle with a five-walled altar. The porch and the bell tower were lost. The on-site inspection of the monument enabled to classify this chapel church as a “chapel-type prayer house”, combining features of a chapel and a dwelling house. It differs from the chapels of the Arkhangelsk and Vologda regions or Karelia, since its core log structure is similar to a log cabin (“izba”). The chapel is distinguished by its dome and antechamber with a tent-like bell tower. The study resulted in reconstructing how the Yudmozero chapel looked between the late 18th and the early 20th centuries, and providing a brief analysis of the distinctive features of similar buildings in the villages of Vorzogory, Maloshuika, Nimenga, Podporozhye. The authors conclude that there are differences in the architectural traditions of Pomorye and the mainland Russian North, and put forward a hypothesis on the connection between the spread of chapel-type prayer houses and the Old Belief, which requires further study.

УДК 274-55

КОНТРЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ

**ВАСИЛЬЕВА
СВЕТЛАНА
ВЛАДИМИРОВНА**

*кандидат философских наук,
доцент,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии, кафедра германской
филологии и скандинавистики,
Петрозаводск, Российская Федерация,
milorada07@mail.ru*

Ключевые слова:

Контрреформация
реформы
Аугсбургский рейхстаг
Триентский собор
император Карл V
Тридцатилетняя война
Вестфальский мир

Аннотация:

В данной статье рассматривается Контрреформация в Германии и на окружающих ее территориях в широком аспекте – как комплекс геополитических, социальных и религиозных проблем, назревших в Европе к XV–XVI векам. Целью исследования является попытка связать процессы Реформации, заданные Мартином Лютером, с последующим ходом германской истории в период Контрреформации. Основной акцент делается на состоянии дел на фоне происходящего в Священной Римской империи германской нации. Данный материал является продолжением предыдущей статьи автора о Реформации в Германии, и в нем проблематизируются последствия Реформации, приведшие страну на грань гуманитарной катастрофы в Тридцатилетней войне. Подробно освещаются причины, течение войны, а также ее геополитические последствия для Германии и для Европы в целом. В статье дан широкий исторический и политический контекст, характеризующий условия и причины участия в Тридцатилетней войне ведущих европейских государств, а также последствия заключения Вестфальского мира.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 04 декабря 2020 года

Опубликована: 04 декабря 2020 года

КОНТРЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ

Предпосылки церковной реформы

Контрреформация – католическое церковно-политическое движение в Европе середины XVI–XVII веков, направленное против Реформации и имевшее своей целью восстановить позиции и престиж Римско-католической церкви. Контрреформацию в узком смысле можно рассматривать как деятельность католической церкви против деятелей и последователей Реформации. Однако в широкой перспективе – это процесс внутреннего обновления Римско-католической церкви в целом, – через церковные реформы, которых требовал дух времени. Разложение феодализма шло рука об руку с расшатыванием позиций католицизма внутри церкви и ее институтов, что создало предпосылки для начала реформаторского движения – нужен был только лидер, которым явился Мартин Лютер.

Последствия его реформаторской деятельности оказались настолько значительными, что дальнейший ход истории испытывал на себе их влияние еще на протяжении целого столетия. Историки отводят Контрреформации хронологические рамки от Триентского (Тридентского, как принято в некоторых источниках) собора (1545–1563 годы) вплоть до окончания Тридцатилетней войны (1648 год). В нашей статье мы рассматриваем этот период времени в Европе, его течение и последствия, сосредоточившись на событиях, затронувших германское общество.

Реформация явилась глубоким потрясением для католицизма в целом. Ряд стран отвернулись от Святого Римского престола: Англия, Швеция, Дания, Норвегия, большие территории Нидерландов, Польши, Чехии, Венгрии, немецких, швейцарских, французских земель. Германия не могла встать под знамена Реформации как единое целое, так как не представляла собой объединенное в политическом и социальном отношении государство. Процессы раскола не прекращали свое действие и после окончания Крестьянской войны. Касались они не только Германии, но и Рима. Еще при Папе Павле III начались действенные процессы по реформации католической церкви. Тогда активную группу реформаторов-кардиналов возглавил Гаспаро Контарини, который по желанию кайзера был в 1541 году направлен в качестве легата с миссией возобновления переговоров по объединению церкви в рамках Регенсбургского рейхстага [9].

Реформы, проведенные внутри католической церкви, такие, как основание множества католических монашеских орденов с религиозностью нового типа, запрет индульгенций и каких-либо денежных расчетов в отношении отпущения грехов, введение института подготовки священнослужителей посредством духовных семинарий, процедуры единообразной католической литургии, заметно повысили ее статус в глазах приверженцев-католиков. Например, общество Христа (*Societas Jesu*), организованное как аскетичный и во всем послушный Папе союз католиков, представляло собой образец обновленной единой католической церкви.

Однако не сразу эти веяния из Рима достигали отдаленных областей великой империи: в Германии наблюдался распад католической церкви даже в тех областях, где Реформация не имела особого успеха. Разумеется, это беспокоило церковную власть, поэтому она горячо приветствовала инициативу кайзера по возобновлению переговоров относительно объединения церкви. Начало теологического коллоквиума, посвящённого этим вопросам, было весьма успешным - в первую очередь, благодаря дипломатическим способностям Г. Контарини. Была достигнута даже более-менее единообразная концепция оправдания (души перед Богом), составляющая камень преткновения в спорах протестантов и католиков. Однако сильную оппозицию католикам составляла группа германских князей из Баварии и Майнца, представлявшая существенную угрозу всей кампании Контарини, так как князья угрожали объединиться в единый фронт с протестантами Франции и Италии.

С другой стороны, Регенсбургский рейхстаг явился неким катализатором окончательного разрыва католицизма и протестантизма. Противостояние вылилось в Тридцатилетнюю войну, которая стала самым кровопролитным европейским конфликтом в период до мировых войн XX века. Любая религиозная война ведет к усилению процессов секуляризации. Так случилось и на этот раз. Вестфальский мир 1648 года, положивший конец Тридцатилетней войне, упразднил и политическое значение папского престола: отныне Рим перестал быть центром европейской политики.

Существуют различные научные точки зрения на суть Контрреформации. Считается, что термин «Контрреформация» был введен в научный оборот в 1894 году немецким историком Леопольдом фон Ранке в его труде «*Die deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*» (История Германии в эпоху Реформации) [9]. Большой интерес представляет точка зрения Бертрана Рассела в «Истории Западной философии»: «Реформация и Контрреформация в равной степени представляют собой восстание менее цивилизованных народов против интеллектуального господства Италии» [6]. Реформацию он считает германской, а Контрреформацию - испанской и рассматривает последнюю как мощную предпосылку эпохи Нового времени, но называет ее «испанским восстанием» против итальянского ренессанса, наиболее полно проявившим себя в деятельности ордена иезуитов [6]. В этом смысле следует вспомнить, что Испания сыграла очевидную роль в деле Реформации: католическая реформа началась в Испании в XV веке, когда на престоле был Фердинанд Католик. Испания имела громадные заслуги перед римской церковью в деле защиты католической религии от иноверцев, поэтому испытывала сильное стремление к независимости от Рима. Однако целью нашей статьи является освещение Контрреформации в германском сообществе.

Надо сказать, что спорные вопросы по поводу переустройства церкви формировались задолго до Реформации. Они касались переустройства церковных институтов, верховенства Пап и способов ограничения их власти (например, через решения церковных соборов), вопроса о национальной церкви

и о защите ее интересов от произвола папской курии, проблемы слишком развившейся обрядовой стороны богослужений и т.д. Католическая церковь знала о зреющих проблемах и приступила к их решению задолго до появления на сцене Мартина Лютера. В этом смысле и Реформация, и начавшиеся задолго до нее католические реформы, и, собственно, Контрреформация имели один и тот же источник. Однако Реформация Лютера провозгласила главной задачей спасение церковного единства от ереси, в каком бы виде она ни проявлялась. Как известно, главным инструментом борьбы с ересью внутри Римско-католической церкви стала инквизиция.

Итак, историческим началом Контрреформации принято считать акт отлучения Папой Львом X Мартина Лютера от церкви, что было зафиксировано в булле *Exurge Domini* 15 июня 1520 года. В тот момент никто не считал этот протест серьезным, и предполагалось разрешить ситуацию достаточно быстро – как временный кризис. Папа Адриан VI даже подверг критике деятельность папской церкви на Нюрнбергском рейхстаге 1522 года, считая, что признание ошибок и умеренная критика помогут быстро разрешить кризис. Однако этого не случилось ни на Нюрнбергском, ни позднее, на Триентском рейхстаге.

Триентский собор и его последствия

15 марта 1545 года в городе Триент открылся Вселенский собор. Папа Павел III обозначил в своей булле основные цели собора, которые можно свести к двум главным: реформа католической церкви, определение католической веры. Собор проходил в довольно напряженной обстановке, т.к. церковное сообщество с самого начала раскололось на две непримиримые партии – папскую и императорскую. Первая отвергала любые учения, идущие вразрез с католицизмом, и толковала их как еретические, а вторая пыталась рассмотреть причины возникновения еретических учений и причины деморализации католического духовенства. Эта более прогрессивная сторона пыталась привлечь к переговорам с протестантами светских компетентных лиц, однако Папе Павлу III удалось навязать собору свою программу. В это же время император Карл V одержал несколько значимых побед в войне с германскими протестантами-курфюрстами, что помогло усилить позиции императорской партии на соборе. Павел III не мог этого допустить, поэтому лишил кайзера военной поддержки, отозвав свои войска из Германии, а также прекратил финансовую помощь. Собор раскололся окончательно и вплоть до смерти Папы Павла III в 1549 году больше не внес никаких изменений в церковную жизнь.

Новым понтификом был избран Юлий III, который возобновил заседания собора. В январе 1562 года Триентский собор окончательно реставрировал папство в духе «истинных начал католицизма», отвергнув возможность каких-либо уступок протестантам. Это воплотилось в следующих законодательно принятых актах: все католические страны приняли Триентское исповедание веры, согласно которому духовные лица и профессора университетов обязаны были принести присягу. В ней подтверждалось принятие Священного Писания и других священных текстов, а также таинств и обрядов католической церкви в качестве истинных и единственно правильных.

Что касается постановлений Триентского собора, то в них недвусмысленно утверждалась функция церкви как посредника в деле спасения душ верующих, а также неизменность церковной иерархии, традиций и таинств. Специальным актом было закреплено, что Священное Предание является таким же источником веры, как и Священное Писание, что окончательно разрушило мост между католиками и протестантами и знаменовало собой окончательный разрыв.

Следует отметить, что большим препятствием для Рима на пути реставрации своей власти являлись национальные церкви, которые к тому времени уже получили признание во многих странах и значительно укрепились. И здесь папская курия проявила дипломатическую дальновидность: был принят закон о проведении синода – раз в год в епархиях и раз в три года в провинциях, что в известной степени снимало напряженность в удаленных областях. Кроме того, церковь позаботилась об укреплении своего авторитета путем утверждения актов по борьбе со злоупотреблениями внутри приходов – торговли церковными должностями, вымогательства, использования церковной должности для собственного обогащения и т.д. Категорически была запрещена торговля индульгенциями и подчеркивалась роль исповеди. Большим шагом явилось решение о создании в каждой епархии духовной семинарии, в которой обучались бы священники.

Разумеется, было невозможно выполнить в полной мере эти постановления, воплощать их в жизнь пришлось на протяжении многих десятилетий. Была создана Конгрегация Триентского Собора, призванная следить за правильным толкованием решений собора и их претворением в жизнь. Следует подчеркнуть, что их просветительский дух во многом способствовал как обновлению самой церкви, так и снятию напряженности в обществе. Нельзя не отметить, что именно в это время возникают первые университеты в Европе, например, в Вене и Праге.

Положение кайзера

Необходимо сказать о кайзере Карле V, деятельность которого в период, предшествовавший Триентскому собору, а также параллельно с ним, привела к серьезным изменениям в политической и в социальной картине Германии [2: 5, 6]. Осенью 1541 года кайзер Карл V пережил поражение от Алжира в руководимой лично им операции на Средиземном море. Это означало конец политики Габсбургов, чьи интересы были жестко ориентированы на регион Средиземноморья. Чтобы «сохранить лицо», Карл V был вынужден обратиться к внутренним проблемам империи, чтобы с помощью политики «кнута и пряника» навести политический порядок и восстановить религиозное единство. Этапы этой политики окрашены в немецкой истории в драматические тона [9: 92].

Как уже было упомянуто, в связи с размежеванием сторон на Триентском соборе, в 1543 году кайзер разбивает войско герцога фон Клеве, имевшего связи с Францией, и обяывает его отказаться от своих протестантских симпатий. Шмалькальденский союз [2: 23] – основной институт объединившихся протестантов – оставил герцога без поддержки и в дальнейшем также не стремился к связям с французскими протестантами. Затем Карл V выступил против Франции, заручившись прежде поддержкой евангелических сословий внутри Германии: будучи хитрым и дальновидным политиком, он выступил на рейхстаге в Шпейере с такими политическими заявлениями, что даже протестантские слои общества встали на его сторону в борьбе против Франции. Франция вынужденно пошла на мирный договор, и у кайзера теперь были развязаны руки для борьбы против главного протестантского зла – Шмалькальденского союза. Война продлилась с 1546 по 1547 год и закончилась разгромом союза. Саксонский курфюрст Иоганн Фридрих и Фридрих I Благородный были схвачены, и обезглавленный союз прекратил свое существование. Правда, еще вспыхивали отдельные бунты в Северной Германии, но они не имели уже ни политической, ни военной силы.

Надо сказать, что это был переломный момент в истории Германии: кайзер осознавал, что победу надо не только одержать, но и закрепить ее на всех уровнях. Монархическое воссоединение германских земель и городов (в рамках наднациональной «мировой системы» в габсбургском духе) [9: 93] мыслилось им наряду с восстановлением религиозного равновесия, т.е. католицизма по всей Германии. Этой грандиозной идее не суждено было осуществиться, прежде всего, в политическом смысле. Проект кайзера по усилению центральной имперской власти за счет князей, закрепление наследования высшей императорской власти за домом Габсбургов – все эти устремления кайзера натолкнулись на сильнейшее сопротивление не только евангелических, но и католических сословий.

В это же время Франция настойчиво ищет союза с протестантски настроенными германскими князьями (как и позднее в Тридцатилетней войне), чтобы с их помощью, а также используя охваченную восстаниями Италию и вечного врага Германии – Турцию, свергнуть габсбургское иго в Германии и в Европе в целом. Образуется союз протестантских воинствующих князей, который вместе с Францией весной 1552 года открыто выступает против кайзера. Возглавил это объединение курфюрст Мориц Саксонский, который в 1546–1547 годах сражался на стороне кайзера против Шмалькальденского союза и получил в награду титул курфюрста и Саксонскую Курляндию в придачу, которые были отняты у его кузена Иоганна Фридриха в связи с его поражением. Теперь же Мориц Саксонский выступает во главе союза германских князей против кайзера и его идеи возрождения католицизма в Германии. Успех этой борьбы не только гарантировал Морицу сохранение титула курфюрста для его семьи и положение ведущего князя в связке протестантски настроенных германских князей. Этот успех привел к укреплению германского протестантизма и позднее к развитию федеративной структуры германской империи. Последнее обусловили дальнейшие события и, прежде всего, Тридцатилетняя война.

Карл V был сломлен. Ни один из католических князей не встал на его сторону – в лучшем случае, они объявляли нейтралитет. Брат Карла, король Богемии и Венгрии Фердинанд I, не раз предупреждал кайзера об опасности, которую несут его чрезмерные аппетиты во власти, но все было напрасно. И вот теперь наступила расплата. Неудачи во внешней и внутренней политике, недоверие и ненависть князей, истощение казны, возраст и болезни – все это окончательно подорвало силы кайзера и привело его к отречению от престола, что произошло в 1555–1556 годах. Испанские территории Габсбургской империи отошли вкуче с Нидерландами и Италией его сыну Филиппу II. После отъезда Карла V в Испанию корона формально перешла к его брату Фердинанду I, хотя по закону он стал кайзером только после утверждения его статуса союзом курфюрстов в 1558 году.

Так закончилась эпоха великого кайзера Карла V. Заключенный в 1555 году так называемый Аугсбургский религиозный мир (по названию состоявшегося в Аугсбурге рейхстага) формально считается окончанием германской Реформации, хотя еще на протяжении последующих десятилетий на севере, юге и востоке страны, а особенно в Австрии, протестантизм продолжал завоевывать

территории. После крушения Шмалькальденского союза, падения трона Карла V и кажущейся реставрации католицизма последовала компромиссная эпоха: Фердинанд I вел многолетние переговоры с католическими и протестантскими князьями в рамках Аугсбургского рейхстага, что привело позднее к заключению нескольких межконфессиональных договоров и союзов: необходимо было законодательно отрегулировать отношения католиков и протестантов в тех областях Германии, которые давно уже исповедовали протестантизм [10]. В 1552 году был утвержден закон об определении князем вероисповедания для своих подданных, однако с возможностью выезда иноверцев в другие земли и города по их желанию. Разумеется, речь еще не шла об индивидуальном самоопределении в вере: и князья, и их подданные подчинялись жесткому закону в этой сфере. К каким страшным и непоправимым последствиям приведет этот, на первый взгляд, удачный компромисс, нам предстоит узнать далее.

Тридцатилетняя война (1618–1648)

Тридцатилетняя война в Европе сравнима лишь с эпидемией чумы, за исключением разве что случаев каннибализма, которые принесла с собой война – в остальном оба эти события являют собой крайнюю степень крушения всего человеческого. Существует исторический источник «*Excidium Germaniae*» («Распад Германии»), написанный двумя авторами и изданный в 1701 году [8], представляющий нам апокалиптическую картину того времени, когда Германия действительно стояла на краю. Кроме того, существуют и художественные произведения, прямо или косвенно касающиеся тех исторических событий [12]. Даже если принять во внимание, что не все факты, изложенные в книгах, соответствовали действительности, то все же следует признать, что эта война была самой разрушительной и страшной за всю историю Германии. Существовали территории с полностью выжженными городами и деревнями, в земле Бранденбург, например, от 2/3 до 5/6 домов в неукрепленных городах были полностью разрушены. Материальный ущерб в некоторых регионах был настолько велик, что отголоски его чувствовались на протяжении последующих ста лет. Особенно страшными были людские потери: до 40% сельского и до 30% городского населения были убиты или погибли от голода и болезней. В процентном отношении эти потери превышают потери среди населения во Второй мировой войне в пятнадцать раз. На территориях вдоль Нижнего Рейна только через сто лет население опять достигло числа, сравнимого с 1618 годом [7].

Не меньше, чем в военных сражениях люди гибли от свирепствующих эпидемий – неизменных спутниц любой войны. Перемещения огромных масс людей – как военных, так и мирного населения – приводили к тому, что болезни быстро распространялись за пределы локальных очагов. Информация об этом сохранилась в приходских книгах и налоговых отчетах. Хроники сохранили сведения о так называемой «венгерской болезни» – сыпном тифе. После столкновения французского войска с габсбургским на севере Италии разразилась эпидемия бубонной чумы. Во время осады Нюрнберга свирепствовали цинга и сыпной тиф. Медицинская статистика гласит, что в Германии за время Тридцатилетней войны от чумы погибло больше людей, чем в военных действиях [11].

Рассмотрим основные причины и предпосылки этой тяжелой войны.

Это была, прежде всего, религиозная война, а не классовая, и, как это всегда бывает, низшие слои общества подверглись особо тяжким испытаниям. В любом историческом источнике можно прочесть, что Тридцатилетняя война началась с инцидента в Пражском замке, в Градчанах, когда 23 мая 1618 года двое представителей кайзера Ярослав фон Мартиниц и Вильгельм фон Славата были выброшены из окна замка представителями богемских сословий (Пражская дефенестрация). Они счастливо приземлились на кучу мусора и прожили еще довольно долгий срок: первый до 1649 года, а второй до 1652.

Разумеется, истинные причины войны сформировались задолго – за целое столетие – до этого трагикомического случая, а именно, в период Реформации. «Религиозный мир» 1555 года, заключенный в ходе Аугсбургского собора, на деле оказался миной замедленного действия. При ближайшем рассмотрении и в процессе претворения в жизнь многие статьи этого пакта о конфессиональном мире между католиками и протестантами, как оказалось, содержали в себе ростки бунтов и протестов по всей Германии, что и случилось позже. Ни о какой «свободе» речь не шла: государство ввело в жесткие рамки законодательства любые отклонения с целью абсолютного контроля. Особенно ненавистным для средних и низших слоев населения оказался закон «*cuius regio eius religio*» – кто владеет землей, тот и определяет вероисповедание в ней [4: 63]. Кто не был готов к этому, должен был покинуть свой край и искать прибежище вдали от дома. Однако и это было затруднительно, так как только свободные граждане (не зависимые от князя) могли свободно передвигаться лишь при условии, что они прежде выплатят соответствующий налог.

Крестьянская война 1524–1526 годов только обострила социальные противоречия, загнала их

вглубь. С этого времени любые крестьянские волнения всегда содержали в себе религиозный компонент, тем самым только усиливая социальную напряженность в обществе. В политическом смысле Аугсбургский мир принес с собой также и обострение противоречий и противостояний во власти. Земельные князья постоянно пытались усилить свое владычество за счет кайзера, с одной стороны, а с другой, за счет низших, подвластных им слоев населения. И это им удавалось, так как власть их усилилась, благодаря тому, что теперь они законно могли влиять не только на политическую и социальную сферу, но и на религиозную. На протестантских территориях земельные князья представляли теперь не только светскую, но и духовную власть, причем владение церковными институтами являлось своего рода инструментом контроля за всей жизнью на данной территории.

Расширение власти князей до абсолютистской не могло не беспокоить кайзера, который, в свою очередь, видел свою задачу в укреплении централизованной власти в государстве – и снова, за счет другой стороны, а именно, земельных князей. Однако положение кайзера было более уязвимым: из-за постоянной военной угрозы со стороны Турции он не мог позволить себе ссориться с князьями, рассчитывая на их поддержку как военную, так и финансовую. Большая война с Турцией 1593–1606 годов закончилась победой над Османской империей в морской битве при Лепанто, что дало возможность почти шестидесятилетней передышки. Это позволило императору Рудольфу II обратиться к проблеме чрезмерного расширения влияния некоторых князей, перешедших в лютеранство.

Как сказано выше, постановления Аугсбургского мира в немалой части своих пунктов были неопределенны и позволяли двойственное толкование, чем не преминул воспользоваться кайзер. Например, в части смены вероисповедания кайзеру удалось в дальнейшем утвердить закон, согласно которому земельный князь, облеченный духовными полномочиями, теряет все свои титулы и земли в случае, если переходит в лютеранскую веру. «Теряет» в данном случае означало, что он отдает их во владение кайзера, который волен распоряжаться ими по своему усмотрению.

Еще раз подчеркнем, что со времен Крестьянской войны любой конфликт на социальном либо политическом уровне начинает носить религиозную окраску. Тут и там в Германии постоянно вспыхивают малые и крупные бунты, которые все более и более связываются во взрывоопасный клубок неразрешенных противоречий. Нужна была только искра, чтобы прозвучал взрыв. Такой искрой явился инцидент в Пражском замке. И здесь сыграло решающую роль стремление кайзера упрочить свою власть за счет богемских сословий. Однако большинство их представителей – как чехи, так и немцы – были уже протестантами: и опять религиозный компонент оказался решающим.

Восставшие сословия выбрали на место отвергнутого ими гамбургского кайзера Фердинанда II курфюрста Пфальцкого – кальвиниста Фридриха V в качестве короля Богемии. Вновь избранный богемский правитель являлся одновременно предводителем образованного в 1608 году союза протестантских князей и имперских сословий. В союз входили Вюртемберг, Баден-Дурлах, Ансбах-Байройт, Гессен-Кассель, Бранденбург, Пфальц-Цвайбрюкен, а также еще 17 высших германских сословий [9: 106]. В противовес им в 1609 году католические имперские сословия объединились в прогабсбургскую Лигу. Таким образом, в борьбу германских католиков и протестантов включились иностранные силы.

В результате последовали несколько крупных военных столкновений между сторонниками кайзера и его противниками, в зависимости от национального состава противоборствующих сторон война делится на четыре периода: чешско-пфальцкий, датский, шведский и франко-шведский. Поскольку вовлеченными в конфликт оказалось много стран, сословий и интересов, попытки заключить мир всякий раз оказывались безуспешными. Ни Любекский (1629 год), ни Пражский мир (1635 год) не смогли учесть интересы всех заинтересованных сторон, и война продолжалась. И лишь Вестфальский мирный конгресс (1641–1648) сумел объединить в себе прямые и косвенные устремления всех участников конфликта таким образом, что 24 октября 1648 года был подписан так называемый Вестфальский мир, зафиксировавший взаимоприемлемый баланс сил между императором Священной Римской империи и имперскими сословиями. Была провозглашена конституция, в рамках которой осуществлялось законодательство вплоть до распада империи в 1806 году.

Основные боевые действия велись на территории Германии, что вкупе с голодом и эпидемиями привело к небывалой разрухе и социальному упадку. Потребовались долгие десятилетия, чтобы восстановить страну. К концу 1620 года в результате нескольких сражений чаша весов заметно склонилась в пользу Лиги: протестантский союз терпел одно поражение за другим. Габсбургские католические войска захватили огромные территории, что вызывало большое беспокойство не только внутри Германии, но и среди ее не католических соседей. В результате в 1625 году Нидерланды, Англия и Дания, с участием нескольких северо-западных протестантских княжеских сословий, объединились в

антикатолический и антигабсбургский альянс. Было создано огромное войско во главе с датским королем Кристианом IV, который стремился расширить границы своего королевства за счет территорий между Эльбой и Везером. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В 1626 году вблизи Зальцгиттера войска католической лиги, ведомые полководцем графом Иоганном фон Тилли, наголову разбили войска альянса. Более того, возглавляемая Эрнстом II другая военная группировка также была разбита в бою под Дессау войсками кайзера, ведомыми Альбрехтом фон Валленштайном [4: 65]. В результате этих событий вся протестантская территория северной Германии оказалась в тисках между двумя кайзеровскими войсками. Вслед за этим 22 мая 1629 года Дания вышла из борьбы, обнявшись не ввязываться более во внутренние дела Германии. Положение складывалось для протестантов катастрофическое: контрреформация, казалось, была близка к своей окончательной победе. Согласно закону о реституции от 6 марта 1629 года все земли, находившиеся в собственности протестантских общин с 1552 по 1555 год, должны были быть возвращены бывшим католическим владельцам. По закону кайзер мог сохранять эти земли в своем владении и раздавать их своим верным католическим подданным исключительно по своему усмотрению. Это вызвало недовольство князей – не только протестантов, но и католиков: последние не были восстановлены в своих правах, как ожидали.

Вслед за этим на военную сцену вступила Швеция со своими планами и амбициями. Ей был необходим Мекленбург и Померания, для того чтобы укрепиться на Балтийском море [5: 10]. Королю Густаву Адольфу удалось собрать большое войско не без поддержки Франции, которая хоть и преследовала протестантов на своей территории, но все же не была заинтересована в укреплении кайзеровской католической Германии. В 1633 году все протестантские князья Германии объединились в Хайльброннский союз, который выступил на стороне шведского войска годом позже и опять потерпел поражение.

Затем последовал так называемый Пражский мир, который дал короткую передышку изможденным войскам и потерявшему надежду населению. Война давно переросла из внутригерманского конфликта в общеевропейскую, но велась, в основном, на германской территории. Разруха и голод достигли такого уровня, что вся страна превратилась в выжженную территорию, по которой бродили изможденные люди в поисках любой добычи. Теперь уже было неважно католик ты или протестант: речь шла лишь о сохранении жизни. Солдатам давно уже не платили их довольствие, даже циничная формула всех времен и народов «война кормит сама себя» больше не работала: грабить ни на своих, ни на чужих территориях было больше нечего. Хотя до этого Валленштайн успешно проводил в жизнь эту формулу: он вел военные действия за счет населения, оказавшегося на территории театра военных действий, ухитряясь экономить при этом казну. Оказалось, что чем больше армия, тем легче ее содержать [1].

Более-менее значимых военных столкновений больше не происходило: последняя битва случилась под Нёрдлингеном в 1634 году. Истощенные и измотанные войска больше не представляли угрозы друг для друга. Однако только в 1644 году в Оснабрюке начались настоящие мирные переговоры, которые привели к окончательному урегулированию отношений между католиками и протестантами. Был возобновлен религиозный мир 1555 года, взятый за основу в урегулировании конфессиональных правовых и имущественных отношений. Обозначенный уже в Пражском мирном договоре закон о конфессиональном определении гласил, что подданные не обязаны следовать конфессии, избранной их сюзереном. Это касалось также и тех, чье вероисповедание еще не было определено до 1555 года.

Конфессиональное разделение Германии было зафиксировано законодательно также и в части проведения рейхстагов: отныне они должны были предусматривать в своей работе два управляющих органа и два дискуссионных совета. Что касается экономического положения после Тридцатилетней войны, то оно значительно изменилось для всех слоев населения. Богатые князья могли бесконтрольно присоединять к своим владениям разоренные и брошенные наделы земли, а крестьян, не имеющих больше своего угла, вынуждали идти в личную зависимость. Этот процесс продолжался долгое время и привел к обнищанию и утрате прав большей части населения. Германия откатилась назад в своем историческом развитии.

Заключение

Тридцатилетняя война явилась первым крупным военным конфликтом, в котором появились прообразы будущих средств массовой информации. Это были «новые газеты», «правдивые описания», «истинные изложения» очевидцев военных событий. Они представляли собой по большей части преувеличения и оскорбления противников, однако в некоторой степени формировали общественное мнение. Например, после осады и сожжения города Магдебург католические источники восхваляли свою победу в деле уничтожения «гнезда еретиков», а протестантские – прославляли доблесть

защитников города и зывали к возмездию.

В 27 архивах Чехии и Словакии хранятся многочисленные свидетельства тех времен, в архивах Саксонии хранятся 12 фолиантов с отзывами на «Эдикт о Реституции» 1629 года. Документы, связанные с Вестфальским конгрессом, опубликованы в 45 томах под общим названием «Acta Pacis Westphalicae». Это протоколы заседаний конгресса, переписка, дневники представителей различных сторон. Только переписка Максимилиана I с союзниками занимает 13 томов [1], [13]. Такой богатой историографии предшествовала не менее объемная и богатая история.

На протяжении всего XVI века европейские страны боролись с гегемонией Габсбургов и их обогащением за счет Европы в целом. Пожалуй, самым крупным оппонентом Германии в то время была Франция как территориально, так и экономически. Кроме Франции свои геополитические интересы преследовали Испания, Англия и Нидерланды. Англия во все времена отстаивала свое владычество на море, и ее главной соперницей всегда была Испания. Нидерланды тоже долгое время боролись за независимость от Испании. Все эти устремления пересекались сразу в нескольких регионах и являлись результатом противоречий, накопившихся в Священной Римской империи.

К традиционной борьбе между императором и княжескими сословиями добавились религиозные противоречия: открытое соперничество лютеран и католиков на территории Германии на какое-то время погасил Аугсбургский мирный договор, получивший историческое название «Аугсбургский религиозный мир». Однако мир продлился недолго. Многие условия мирного договора не отвечали чаяниям германского населения, особенно в части самоопределения в конфессии. Неоднозначность толкования некоторых важных пунктов этого договора привела к еще большему усложнению религиозной ситуации в связи с появлением нового протестантского движения – кальвинизма, к которому примкнули многие германские князья. Однако положения Аугсбургского мира не контролировали новейшие порождения Реформации – они не были предусмотрены.

В экономическом плане по соседству с Германией созрел еще один узел противоречий, который впоследствии втянул в войну несколько иностранных государств. Достигшие высокого уровня экономики Швеция и Дания, имеющие к тому же прекрасно оснащенные армии, не скрывали своих амбиций по поводу укрепления своих владений на Балтике. Однако прочие европейские страны выступали за свободу торговли для всех стран Балтийского региона.

Мирный договор, заключенный 24 октября 1648 года в Мюнстере и Оснабрюке, вошел в историю как Вестфальский мир. На конгрессе присутствовали 135 представителей европейских стран от всех сословий. По условиям договора Габсбурги оставили за собой все восточные наследные территории, включая Чехию, однако на западе Верхний и Нижний Эльзас отошел Франции. Швеция получила завоеванные ею территории на побережье Северного и Балтийского морей, Переднюю Померанию, Бременское архиепископство и контрибуцию в пять миллионов талеров.

Подобным образом были перекроены границы многих княжеств и земель, но помимо перераспределения территорий Вестфальский мир урегулировал и глубинные противоречия внутри империи. В первую очередь, кальвинизм был признан равноправным с лютеранством религиозным направлением. Реституционный эдикт и Пражский мир были аннулированы. Утверждалось право князей выбирать конфессию в своих владениях на всей территории империи, за исключением наследных владений Габсбургов. При этом провозглашался принцип веротерпимости, что облегчало и простому населению использовать свое право в выборе вероисповедания.

В историю западной Европы Тридцатилетняя война вошла как самый затяжной и тяжелый конфликт, в который оказались втянуты многие государства. Если на первом этапе война носила явно религиозный характер, то затем на первый план вышли политические и экономические интересы всех втянутых в конфликт участников [3: 119]. Больше всех пострадала Германия, на территории которой в основном велись сражения. Хроники свидетельствуют о предельной степени опустошения территорий, страданиях населения и потерях всех участвующих сторон. Убыль населения Германии составила в некоторых землях 50% как, например, в Мекленбурге, Померании, Пфальце, Вюртемберге, Тюрингии, а местами потери населения доходили до 70%. Эти страшные последствия войны отдавались эхом на территории Германии вплоть до XIX века. Как считают некоторые историки, «Германия была отброшена назад в своем развитии на две сотни лет» [4: 71].

Несомненным результатом войны стало ослабление Германии и усиление Франции. Испания ничего не выиграла, а вот Швеции удалось превратить Балтику в «шведское озеро» и установить свою гегемонию на Севере вплоть до Северной войны. Что касается административной стороны вопроса, то свыше 300 мелких германских государств фактически получили суверенитет при номинальном подчинении власти императора. В религиозном плане сторонники крупнейших направлений

христианства на территории Священной Римской империи германской нации (католицизма, лютеранства и кальвинизма) обрели равные права. В дальнейшем религиозный фактор уже не влиял в такой степени на жизнь государств: в Вестфальском мире были прописаны законы международных отношений, которые опирались на экономические и геополитические интересы династий. Этот мирный договор создал Вестфальскую систему международных отношений, в основе которой лежит взаимное признание европейскими государствами национального суверенитета друг друга, равноправие государств и принцип нерушимости границ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. М. Тридцатилетняя война. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1961. 184 с.
2. Васильева С. В. Реформаторская деятельность Мартина Лютера // *Studia Humanitatis Borealis*. 2019. № 2. С. 16–24. DOI: 10.15393/j12.art.2019.3442
3. Лыдин Н. Н. Основные направления современной англоязычной историографии истории Тридцатилетней войны // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 432. С.119–123. DOI: 10.17223/15617793/43/12
4. Меринг Ф. История Германии с конца средних веков. М.: Красная новь 1924. 283 с. Ре-жим доступа: https://imwerden.de/pdf/mering_istoriya_germanii_s_kontsa_srednikh_vekov_1924_text.pdf (дата обращения 03.02.2020).
5. Поршнева Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. Москва: Наука, 1976. 436 с.
6. Рассел Б. История Западной философии. Кн. 3. 283 с. Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rassel/IstFil_51.php (дата обращения 03.02.2020).
7. Сесили В. В. Тридцатилетняя война. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат. 2012. 570 с.
8. *Excidium Germaniae*. Joachim Betkuis, Friedrich Breckling. 1701 283 с. Режим доступа. <https://books.google.ru/books?id=2cxiAAAaAAJ&pg> (дата обращения: 03.02.2020)
9. Lutz H. Die Reformation in Deutschland / Der Grosse Bildatlas zur Deutschen Geschichte. Von Karl dem Grossen bis zur Wiedervereinigung. München, Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 1991. 296 p.
10. Ranke L. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Dritter Band. Berlin. 1840. 595 s. URL: Bayerische Staatsbibliothek Digital: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10450472_00240.html (дата обращения: 03.02.2020).
11. Ritter M. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des dreißigjährigen Krieges 1555–1648. Zweiter Band (1586–1648). Stuttgart 1895. 500 p.
12. *Simplicissimus Teutsch*. Hans Jakob Christoffel Grimmelshausen. URL: www.zeno.org/Literatur/M/Grimmelshausen,+Hans+Jakob+Christoffel (дата обращения 03.02.2020).
13. Wedgwood C. V. The Thirty Years War (1938). London: Jonathan Cape, 1938. 570 p. URL: <https://sites.google.com/site/tingkeb7sasi1/paq09z8ury461> (дата обращения 03.02.2020).

REFERENCES

1. Alekseyev V. M. The Thirty Years War. Moscow, 1961. 184 p. (In Russ.)
2. Vasileva S. V. Reform activity of Martin Luther. Forthcoming of Protestantism in Germany // *Studia Humanitatis Borealis*. 2019. № 2. P. 16–24. DOI: 10.15393/j12.art.2019.3442 (In Russ.)
3. Lydin N. N. Main topics of modern English historiography of the Thirty Years War history // *Vestnik of State University Tomsk*. 2018. № 432. P.119–123. DOI: 10.17223/15617793/43/12 (In Russ.)
4. Mering F. History of Germany from the end of the Middle Age. Moscow, 1924. 283 p. https://imwerden.de/pdf/mering_istoriya_germanii_s_kontsa_srednikh_vekov_1924_text.pdf (Accessed 03.02.2020).
5. Porshnev B. F. The Thirty Years War and entry of Sweden and Moscow State in it. Moscow, 1976. 436 p. (In Russ.)

6. Rassel B. History of the Western Philosophy. Book 3, part 1, abstract 5: Reformation and Counterreformation. https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rassel/IstFil_51.php (Accessed 03.02.2020).
7. Sesili Veronika Vedzhvud. The Thirty Years War. Moscow, 2012. 570 p. (In Russ.)
8. Excidium Germaniae. Joachim Betkuis, Friedrich Breckling. 1701. <https://books.google.ru/books?id=2cxiAAAaAAJ&pg> (Accessed 03.02.2020)
9. Lutz H. The Reformation in Germany / The big historical atlas of Germany. From Charles the Great to the Reunion. Munich, Bertelsmann Lexicon GmbH, Germany, 1991. 296 p.
10. Ranke L. German History in the Reformation Era. Book 3. Berlin, 1840. 595 p. https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10450472_00240.html (Accessed 03.02.2020).
11. Ritter M. German History in the Counterreformation Era and Thirty Years War 1555–1648. Book 2 (1586–1648). Stuttgart, 1895. 500 p.
12. Simplicissimus Teutsch. Hans Jakob Christoffel Grimmelshausen. www.zeno.org/Literatur/M/Grimmelshausen,+Hans+Jakob+Christoffel (Accessed 03.02.2020)
13. Wedgwood C. V. The Thirty Years War (1938). London, 1938. 570 p. <https://sites.google.com/site/tingkeb7sasi1/paq09z8ury461> (Accessed 03.02.2020).

Received: 01.10.2020

COUNTER-REFORMATION IN GERMANY

**VASILEVA
Svetlana**

*Candidate of philosophical sciences,
Assistant professor,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Germanic Philology and Scandinavian Department,
Petrozavodsk, Russian Federation, milorada07@mail.ru*

Keywords:

Counter-Reformation
reforms
Diet of Augsburg
Council of Trent
Emperor Charles V
Thirty Years' War
Peace of Westphalia

Summary:

The article studies the Counter-Reformation process in Germany and the neighboring European territories in a wider context as a complex of geopolitical, social and religious problems growing in Europe in the 15th and the 16th centuries. The study aims at finding connections between the Reformation processes launched by Martin Luther and the subsequent course of German history during the Counter-Reformation. The article focuses on the situation in Germany against a wider background of the developments in the Holy Roman Empire of the German Nation. This paper continues the author's previous article on the German Reformation and Martin Luther's role in it. It examines the consequences of the Reformation that brought Germany on the edge of a humanitarian disaster in the Thirty Years' War. The course of the war, as well as its geopolitical causes and consequences for Germany and for the whole of Europe are also investigated. The author describes and analyzes a broad historical and political context which determined the circumstances and reasons for many European states' participation in the Thirty Years' War, as well as the consequences of the Peace of Westphalia.

УДК 82-21

ОБРАЗ ГАМЛЕТА КАК ПОЭТА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ ВАЛЕРИЯ АНАНЬИНА

**ЧЕПУРИНА
ИРИНА
ВАЛЕРЬЕВНА**

*старший преподаватель,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии, кафедра
германской филологии и скандинавистики,
Петрозаводск, Российская Федерация,
irina_chepurina@yahoo.com*

Ключевые слова:

Гамлет-поэт
трагедия
«Гамлет»
У. Шекспир
В. Ананьин
переводческие трансформации
карельский переводчик
театральная постановка

Аннотация:

В статье анализируется образ Гамлета как поэта, который получает развитие в новом переводе трагедии «Гамлет» (2010), осуществленном карельским переводчиком Валерием Зосимовичем Ананьиним. Новизна перевода, сопровождающегося ценными комментариями и примечаниями переводчика, обуславливает актуальность исследования, поскольку образ Гамлета как поэта, оставшийся вне поля зрения отечественных и зарубежных исследователей, впервые осмысливается В. Ананьиним. В статье делается попытка раскрыть образ Гамлета-поэта в свете переводческой стратегии В. З. Ананьина с опорой на сопоставительный и культурно-исторический методы, а также многоуровневый анализ текста и лингвопереводческий комментарий. Материалом исследования стали стихотворные строки принца Гамлета в оригинальном тексте трагедии и в переводе В. Ананьина, к которым автор перевода обращается в своем эссе «Опыт литкритэссе о стихах принца Гамлета». Стихотворное наследие Гамлета в своем небольшом объеме высвечивает его художественную основу мышления, позволяющую говорить о Гамлете-творце. Переводческие решения В. Ананьина в изображении образа Гамлета-поэта детерминированы режиссерским видением трагедии «Гамлет», предназначенной для постановки в театре, поэтому стихотворные тексты Гамлета в интерпретации карельского переводчика имеют апеллятивную природу, которая эксплицируется в обильных восклицаниях и жестуляции. Переводческие трансформации, выявленные в переводе В. Ананьина, иллюстрируют такие трансформационные операции как смысловое развитие транслемы, смену стилистических коннотаций или сдвиг референциального значения слова.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 05 декабря 2020 года

Опубликована: 15 декабря 2020 года

**ОБРАЗ ГАМЛЕТА КАК ПОЭТА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
В ПЕРЕВОДЕ ВАЛЕРИЯ АНАНЬИНА**

Введение

Тема данной статьи подсказана незаурядным фактом культурной жизни Республики Карелия – публикацией перевода трагедии У. Шекспира «Гамлет» филологом, журналистом, театральным режиссером, поэтом и переводчиком Валерием Зосимовичем Ананьиным, которая состоялась в 2010 году в издательстве Петрозаводского государственного университета. Особым достоинством многолетней работы В. Ананьина является обширный комментарий к тексту перевода «Записи на полях», где в центре его размышлений о таком сложном и вместе с тем важном для русской культуры тексте, как «Гамлет», оказываются вопросы, связанные с переложением по-русски текста оригинала. В комментарии к переводу он обращается к классикам перевода трагедии – М. Лозинскому и Б. Пастернаку, разбирает совсем «свежие» переводы в первую очередь А. Чернова, А. Цветкова, И. Пешкова и В. Поплавского, а также воспроизводит многочисленные варианты собственных переводов. К «Записям на полях» примыкает исследование, озаглавленное автором «Опыт литкритэссе о стихах принца Гамлета» [2: 387], в котором он стремится наметить поэтический силуэт Гамлета-стихотворца. В. Ананьин отмечает, что за минувшие четыре столетия образ Гамлета как художника слова не получил освещения в научных исследованиях шекспироведов [2: 387]. Сделав осмысление художественной ипостаси Гамлета основным предметом размышлений в своем эссе, В. Ананьин высвечивает полнокровный образ Гамлета-поэта, анализ которого, в свою очередь, позволяет рассмотреть обхождение В. Ананьина со словом и осмыслить выбор его переводческой стратегии.

Цель настоящей статьи – проанализировать образ Гамлета как поэта в переводе В. Ананьина и определить значимость исследуемого образа в сюжетном развитии трагедии. Соответственно, ключевой задачей исследования является анализ переводческих приемов, используемых В. Ананьиным при создании образа Гамлета-поэта. Уточним, что в теории переводоведения не существует единственного и общепринятого истолкования термина «переводческий прием», поэтому существующие классификации переводческих приемов в значительной мере условны. В рамках данного исследования термин «переводческий прием» трактуется как переводческая трансформация, т.е. межъязыковое преобразование на лексическом, грамматическом или текстовом уровне [1: 158], реализация которой детерминирована факторами лингвистического и экстралингвистического плана. Ввиду того, что статья носит междисциплинарный характер и в своей основе имеет две смежные науки (переводоведение и литературоведение), мы не будем подробно рассматривать виды классификаций переводческих трансформаций, разработанные теоретиками перевода, а при общем согласии относительно концептуальной возможности их сходства выделим следующие группы: лексические, грамматические, лексико-грамматические (комплексные) и семантико-содержательные (глубинные) трансформации. Объектом исследования стали стихотворные строки принца Гамлета, которые анализируются с применением сопоставительного, культурно-исторического методов, многоуровневого анализа текста и лингвопереводческого комментирования.

1.

Раскрывая поэтическое самосознание Гамлета, его существенную черту – художественную, т.е. творческую, оснастку ума в тексте трагедии Шекспира В. Ананьин выделяет ряд стихотворных вкраплений, среди которых только за одним четверостишием он бесспорно признает вслед за шекспироведами авторство Гамлета:

Doubt thou the stars are fire;
Doubt that the sun doth move;
Doubt truth to be a liar;
But never doubt I love. [7]
Усомнись – в звезде огнистой,
В том, что солнце круг свой вертит,
В том, что нет обманных истин,
Но в любви – мне верь ты! [2: 61]
(Перевод В. Ананьина)

Эти строки, которые зачитывает вслух Полоний из записки Гамлета Офелии, – «единственное, бесспорное – авторизованное! – детище нашего поэта» [2: 391], – пишет В. Ананьин. Следует отметить, что не все исследователи считают данное четверостишие шедевром Гамлета. Так, Х. Кляйн видит в нем осколок утраченной народной баллады или импровизации Гамлета [6: 349]. В. Ананьин, в свою очередь, придает серьезное значение анализу данного четверостишия Гамлета и ссылается на И.

Анненского [2: 405], для которого Гамлет – гениальный поэт, артист, художник, а значит, творец.

В подлиннике синтаксический параллелизм, сопровождающийся анафорой («Doubt»), является конструктивным элементом при построении четверостишия и устанавливает в тексте отношения особого рода смысловой эквивалентности. Такая организация стиха отражает особенности умонастроения Гамлета, который стремится подчеркнуть свое состояние художественным словом. В попытке сохранить аутентичность стихов Гамлета как содержательно, так и формально В. Ананьин в своем переводе передает мысль Гамлета, соблюдая фигуры речи, использованные Шекспиром. Однако он в процессе работы использует антонимический перевод как прием семантико-содержательной трансформации, что приводит к соответствующей перестройке всего высказывания, при котором одно из слов заменяется на лексему противоположного значения. Так, третью строку он трансформирует в отрицательное высказывание: «Doubt truth to be a liar» – «В том, что нет обманных истин», а четвертую – в положительное: «But never doubt I love» – «Но в любви – мне верь ты». Более того, в его переводе появляются апеллятивные формы обращения требовательного настаивания на своем, в том числе в последней строке, построенной на ритмическом сбое. В этом четверостишии В. Ананьин идет на смысловое развитие понятия, придерживаясь целостного подхода к истолкованию этого опуса Гамлета в контексте судьбы и мировоззрения:

«Главное же – в этих четырех строчечках дышит тема из излюбленных, лейтмотивных размыслов Гамлета-эмпирика и философа-мирокритика о разности сути и кажимости, внешнего и внутреннего, нутра и маскарада, личины и природного лица» [2: 394].

В. Ананьин прочитывает четверостишие в контексте эволюции самого Гамлета в духе замышляющегося «Быть или не быть». Здесь ощущается «векторная» установка переводчика: он нацелен на то, чтобы закрепить в этом мадригале высоту и масштабность личности принца, с другой стороны, сохранить его изошренность ума, искусство играть мнимостями, чему, видимо, подчинена и специфическая звуковая инструментовка стихотворения. Очарованный великолепной аллитерацией в английской версии стихотворения, представленной звуками [d], [t], [s], [ð], [θ] [f], В. Ананьин пишет:

«ухитрись-ка передать ГАРМОНИЮ жести: свиста, шипа-шелеста, потрескивания, где гроздьями – немзыкальные звуки (англичане умеют – или умели при Шекспире? – и «слышать глазами»). Фантастика!» [2: 393].

Он представляет второй вариант перевода этого четверостишия, где ему удалось передать не только пестрый ряд аллитерирующих звуков, но и анафорическую аллитерацию при помощи звукового повтора фонемы [в]. Приведем опыт его перевода:

В свет не верь, что шлет звезда,
В солнца ход по круговерти,
В правду – ведь солжет и та,
Вот в любви – мне верь ты. [2: 391]

Оба варианта перевода мадригала Гамлета, представленные выше, являются наиболее удачными, по признанию самого автора, среди восьми существующих его переводов. Остальные шесть версий, которые он также воспроизводит в своем эссе, были им отклонены, поскольку они не отвечают в полной мере его переводческому вкусу. В итоге В. Ананьин облачает этот мадригал в форму апеллятивно-живого чувства с его взмываниями и с боями, а не загоняет в этикетную позу формульной литературы, традиционных стихов, написанных «по правилам». Он наделяет перевод энергетикой чувства и эмоций, делая ставку как режиссер театра на прагматический компонент перевода, т.е. сценический, чтобы дозваться до Офелии и внести в эти строки следы живого чувства. В. Ананьину, видимо, памятен завет Б. Пастернака: «Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности» [5: 176].

2.

Образ Гамлета В. Ананьин стремится поднять на уровень Гамлета-творца и при переводе четверостишия в самом конце сцены «мышеловка» (2 акт, 11 сцена в переводе В. Ананьина). Однако, по признанию переводчика, принадлежность этого «экспромта» [2: 388] перу Гамлета недоказуема:

Why, let the stricken deer go weep,
The hart ungalled play;
For some must watch, while some must sleep:
So runs the world away. [7]
Олени, вскачь! Подстрелен? – Плачь!
Цел? Желчь не жжет? – Играй!
Пусть эти – спят, но те-то – бдят!

Весь свет – прочь удирай! [2: 97]

(Перевод В. Ананьина)

Следует отметить, что ключевым понятием в переводческом кругозоре В. Ананьина является слово, поэтому он проявляет интерес, прежде всего, к лексической многозначности, к мерцанию смыслов слов, что и приводит к той системе трансформаций, которая имеет место в переводе данного четверостишия. В какой-то степени, как он считает, ему удалось выразить «большую сумму значений-загадок» [2: 388] в этих строках, чем другим переводчиком.

Последовательность в поисках инварианта перевода определяется у В. Ананьина словарным прочтением языкового «двойного» значения лексемы «deer» (олень, лань [3: 198]) в сопоставлении с однозначной лексемой «hart» (олень-самец старше 5 лет [3: 358]). Это различие слов он спроецировал на весь переводимый текст, вводя гендерное разделение ролей: в первом случае (deer) имеется в виду лань, а во втором (hart) – олень, где у лани и оленя разные участи. Это гендерное противопоставление, присутствующее в его переводе имплицитно, проявляется и в характере действия, т.е. мотив плача («go weer») он связывает с самкой, а мотив игры («play») – с самцом: «Подстрелен? – Плачь! / Желчь не жжет? – Играй!» [2: 97]. Многозначная семантика транслемы «deer» привела В. Ананьина к парафразу, т.е. к семантико-содержательной трансформации, тем не менее автор перевода не оторвался от контекста в отличие от своих предшественников (М. Лозинского, А. Кронеберга, М. Морозова): в эссе о стихах принца Гамлета он отмечает, что разговор об олене (hart) касается именно Гамлета [2: 388]. Дальше он усиливает противопоставления – «watch» и «sleep», т.е. «бдят» и «спят», – что детерминировано общими воззрениями Гамлета на жизнь, где каждого ждет свой удел: «So runs the world away» [7].

Однако, оттеняя одну сторону умонастроения Гамлета, а именно нарастающее чувство фатализма, В. Ананьин оставил без внимания другой мотив, имеющий центральное место во всей трагической истории. Этот мотив эксплицируется в причастии «ungalled», которое переводится как целый, невредимый, нераненый. В оригинале речь идет о «hart ungalled», т.е. об уцелевшем олене, что точно передано в переводе у Б. Пастернака «уцелевший (т.е. олень – прим. И. Ч.) скачет» [4: 132].

Обратимся к анализу корневой морфемы причастия «ungalled» – «gall», играющей структурообразующую роль в архитектонике рассматриваемой трагедии. Слово «gall» в русско-английском словаре В.К. Мюллера означает: существительное – наглость, желчь, ссадина, раздражение, глагол – ссадить, натереть, раздражать, беспокоить, уязвлять [3: 323]. Х. Кляйн указывает, что глагол «gall» варьируется в разных формах в тексте трагедии: в 1 акте, 3-я сцена «The canker galls», в 3 акте, 2-я сцена «Let the galled jade wince», в 4 акте, 7-я сцена «if I gall him slightly» и в 5 акте, 2-я сцена «he galls his kibe» [6: 545]. Рассмотрев употребление лексемы «gall», исследователь определяет ее как «a poison that inflects the blood» [6: 546] (яд, который поражает кровь – перевод И. Ч.). Данная лексема реализует мотив отравления, распространяющийся по принципу эха в трагедии, вовлекая все больше и больше участников – не только отца, но и мать короля, Полония, Лаэрта и Гамлета – в свой круговорот. Инвариант перевода, предложенный В. Ананьиним, содержит лексему «желчь», что несколько уводит в сторону от сквозного мотива ширящегося зла в мире, но в целом не деформирует «рисунок мысли» оригинала. Его перевод четверостишия сформирован на пути создания в тексте единства предметной ситуации и речевой ситуации, т.е. соотношения содержания и ситуативного контекста. Он воссоздает словесный рисунок мысли в резком соседстве азарта и страха, долга и наслаждения. Его Гамлет пытается даже в речевых интонациях рваных строк найти контакт со слушателем, донести до него некоторые моменты истины как он ее понимает. Общее пессимистическое звучание этого четверостишия у В. Ананьина усиливает движение Гамлета ко все более мрачным оценкам жизни. Однако лейтмотив всей трагедии – мотив смерти от яда, который в подлиннике благодаря лексеме «gall» ширится кругами, обхватывая все большее количество лиц и ситуаций, и выступает как индекс неизбежности судьбы, оказывается немного заслонен в варианте перевода В. Ананьина. Ради справедливости следует отметить, что действительное присутствие сквозного мотива смертоносного яда, заявленного при помощи лексемы «gall», утрачено и в классических переводах Б. Пастернака и М. Лозинского.

3.

Обратимся к рассмотрению еще одного поэтического текста, который, по мнению В. Ананьина, создан Гамлетом, но найти объективные доказательства подтверждения его авторства не представляется возможным. Речь идет об общеизвестной «арии» Гамлета о человеке, включающей реплику, ставшей классическим афоризмом: «What a piece of work is a man!» [7], который В. Ананьин перевел «Как мастерски сработан человек!» [2: 69]. В своем эссе автор перевода назвал этот афоризм

«блистательным однострочным стихом» [2: 390], а вслед за ним и вскользь отметил еще один: «And yet, to me, what is this quintessence of dust?» [7] (в переводе В. Ананьина «А что мне этот – выжми суть, – прах праха?» [2: 69]). Эти строчки, по признанию автора перевода, он субъективно вычленил как «однострочные стихи» из потока мысли Гамлета, поэтому затруднительно говорить об однозначном авторстве принца.

Наибольшую трудность при переводе, как указывает В. Ананьин, вызвала строка «And yet, to me, what is this quintessence of dust?», представляющая собой «несомненно, самое сложное, самое «туманное» по загадочной и мрачной глубине содержания место во всем тексте пьесы» [2: 245]. Он исследует термин «квинтэссенция» и в ключевой сентенции связывает его с алхимическим толкованием, а именно с идеей о пятом «вечном» элементе, являющемся первоосновой четырех элементов – воздух, вода, огонь, земля, что приводит к глубинной семантической трансформации выражения «this quintessence of dust». С помощью грамматико-морфологической трансформации он истолковывает квинтэссенцию праха как «прах следующий, истиннейший, конечный» [2: 246], т.е. цепочкой описательных определений, убежденный в том, что здесь имеет место анаколупф – фраза, в которой опущены синтаксические звенья. Негативное качество слова «dust», означающее «прах», он усугубляет отрицательной коннотацией, так что рождается алгебраическая формула второй степени – «прах в квадрате» [2: 246]. В результате фраза «квинтэссенция праха» оказывается лишена той христианской коннотации, которой она обладает, как представляется, в переводе Б. Пастернака, говорящей о бренности человека как основополагающем тезисе христианства, заботящегося не о бренном, а о бессмертии, т.е. о душе. Мирочувствование Гамлета в переводе В. Ананьина сформировано в ином культурном контексте, в котором человек принадлежит природному миропорядку, поэтому «квинтэссенция праха» получает неморальную интерпретацию у карельского переводчика, приближенную к натурфилософии. В. Ананьин аргументирует доводами, в которых проявляется, как кажется, протомарксистская интерпретация «по методу научного, так сказать, материалистического мышления передовых умов эпохи» [2: 246], – так определяет он мировоззрение Гамлета. Видимо, в двухступенчатой формуле «прах праха», вслед за А. Аникстом, таится марксистская мысль о бессмертии материи, данная от обратного: манипуляции над прахом возможны только при допущении его онтологического бытия. Разумеется, речь идет условно о «марксизме» Гамлета – о следах его толкования в советскую эпоху. «Прах в квадрате, сверхпрах, прах праха» [2: 246] оборачивается утверждением бессмертия материи, входя особой категорией в реалии природы. В результате происходит такое смысловое развитие транслемы, которое приводит переводчика к необходимости комплексной трансформации, где вводится пояснительное звено, якобы отсутствующее в анаколупфе – «выжми суть», и семная перестройка понятия «quintessence».

Заключение

В. Ананьин как переводчик и режиссер театра выводит читателей и зрителей трагедии «Гамлет» на свою мировоззренческую орбиту, где режиссерское толкование образа Гамлета как художника слова, а в широком смысле – творца, становится камертоном его переводческих решений. Его Гамлет-поэт изъясняется жестами, вопросами, восклицаниями, что свидетельствует о доминировании прагматического компонента в переводе, ориентированном на театральную сцену. Уклон переводческой стратегии В. Ананьина в прагматику перевода вскрывает функциональную природу слова. «Сполохи смысла» [2: 388] постоянно тревожат его творческое воображение, побуждая его к выявлению все большей «суммы значений-загадок» в лексемах оригинала. Руководствуясь сценической интерпретацией трагедии, автор перевода так же отходит от более размеренной грамматически-взвешенной структуры подлинника к апеллятивному строю речи в побудительной форме. В свете этой форсированной грамматики происходит вся сигнификативная и коннотативная перестройка оригинала. Таким образом, в ходе работы над переводом поэтических строк Гамлета В. Ананьин использовал семантико-содержательные и лексико-грамматические трансформации.

Подводя итоги, отметим, что Гамлет в трагедии выступает не только как сын, потерявший отца, захваченный вихрем событий, но и как поэт, который пытается сказать свое слово о природе человека и мироздания. Поэтическое начало Гамлета раскрывает его как творческую личность, преданную высокому человеческому идеалу, поэтому аутентичное восприятие ментальности Гамлета-сына своего времени, по мысли В. Ананьина, невозможно в отрыве от Гамлета-поэта, т.е. Гамлета-творца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М.: Медиа, 2005. 945 с.
3. Пастернак Б. Л. Гамлет, принц датский: трагедия в 5 актах. М.: Издательский дом Мещерякова, 2017. 256 с.
4. Пастернак Б. Л. Об искусстве. М.: Искусство, 1990. 400 с.
5. Шекспир У. Трагическая история Гамлета, принца Датского / Пер. с англ. В. Ананьина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 408 с.
6. Klein H. M. William Shakespeare Hamlet. Stuttgart: Philipp Reclam Stuttgart, 1980. Vol. 2. 687 p.
7. Shakespeare W. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark // The Complete Works of William Shakespeare. Available at: <http://shakespeare.mit.edu/hamlet/full.html> (accessed 12.09.2020).

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. Introduction Into Theory of Translation: Teaching Aid for Students of Philological and Linguistic Faculties of Higher Education Institutions. Moscow, 2004. 352 p. (In Russ.)
2. Muller V. K. New English-Russian Dictionary. Moscow, 2005. 945 p. (In Russ.)
3. Pasternak B. L. Hamlet, Prince of Denmark: The Tragedy in 5 Acts. Moscow, 2017. 256 p. (In Russ.)
4. Pasternak B. L. About Art. Moscow, 1990. 400 p. (In Russ.)
5. Shakespeare W. The Tragic Story of Hamlet, Prince of Denmark / Translation by V. Ananyin. Petrozavodsk, 2010. 408 p. (In Russ.)
6. Klein H. M. William Shakespeare Hamlet. Stuttgart: Philipp Reclam Stuttgart, 1980. Vol. 2. 687 p.
7. Shakespeare W. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark / W. Shakespeare // The Complete Works of William Shakespeare. Available at: <http://shakespeare.mit.edu/hamlet/full.html> (accessed 12.09.2020).

Received: 28.10.2020

HAMLET'S IMAGE AS A POET AND ITS INTERPRETATION IN VALERIY ANANYIN'S TRANSLATION

CHEPURINA
Irina

*senior lecturer,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Department
of German Philology and Scandinavian Studies,
Petrozavodsk State University, Russian Federation,
irina_chepurina@yahoo.com*

Keywords:

Hamlet as a poet
tragedy
Hamlet
William Shakespeare
Valeriy Ananyin
translation transformations
Karelian translator
theatre play

Summary:

The article analyzes the image of Hamlet as a poet which is developed in a new translation of *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark* (2010) by a Karelian translator Valeriy Ananyin. The novelty of the translation accompanied by the translator's valuable commentaries and notes contributes to the importance of the research, because the image of Hamlet as a poet, which appears to be off the radars of Russian and foreign researchers, is reflected by Valeriy Ananyin for the first time. The article attempts to explore the image of Hamlet as a poet in the context of Valeriy Ananyin's translation strategy using the comparative and culture-historical methods, as well as multilevel text analysis and translation linguistic commentary. The research material is original and translated Prince Hamlet's poetic lines, which the translator discusses in his literary critical essay on Prince Hamlet's verses. Hamlet's poetic heritage, however small, reveals the artistic and imaginative side of his mind, allowing to speak about Hamlet as an artist. Valeriy Ananyin's translation approach used for creating the image of Hamlet as a poet is determined by a theatre director's vision of Hamlet as a tragedy intended for stage performance. Therefore Hamlet's verses translated by Valeriy Ananyin become incentive, which is expressed by frequent exclamations and ample gestures. Transformations identified in the studied translation illustrate such techniques as modulation, a change in stylistic connotation or a shift of the referential meaning of a word.

УДК 7.046.1

ОСОБЕННОСТИ АКСИОСФЕРЫ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КАРЕЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

**СУВОРОВА
ИРИНА
МИХАЙЛОВНА**

*доктор философских наук,
профессор,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
кафедра философии и культурологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
suvormih@list.ru*

Ключевые слова:

аксиосфера
ценностные предпочтения
научная экспедиция
человеческий капитал
социокультурная ситуация

Аннотация:

В статье рассматриваются специфические особенности ценностных ориентаций жителей северного региона Республики Карелия – Костомукшского городского округа, расположенного на границе с Финляндией. Исследование основано на результатах эмпирических данных, полученных в ходе научной экспедиции «Способы сохранения человеческого капитала как актуальная проблема республики Карелия» в 2019 году. Аксиосфера респондентов в данном исследовании рассматривается как источник и регулятор человеческого капитала, который формируется под воздействием социокультурной ситуации данного города. В комплексной методологии исследования использовались интервью, стандартные и нестандартные опросники, фокус-группы по тематическим кейсам и анкетирование респондентов. Но ведущая роль в исследовании была отведена авторитетному опроснику ценностных предпочтений Шалома Шварца – методике, апробированной в нескольких десятках странах мира на протяжении 20 последних лет. В итоге выявлены исторические, демографические, экономические и образовательные факторы, влияющие на формирование оригинальной аксиосферы жителей моногорода, которая является отличной от «общекультурного профиля» Шварца. В результате исследования сделан вывод о влиянии оригинальной аксиосферы жителей Костомукшского городского округа на сохранение человеческого капитала в данном северном районе Карелии.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 05 декабря 2020 года

Опубликована: 05 декабря 2020 года

ОСОБЕННОСТИ АКСИОСФЕРЫ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КАРЕЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Мировоззренческая проблема ценностей в современном глобализирующемся мире актуальна не только в научном сообществе философов, социологов, историков, психологов, педагогов и культурологов, но и в политике, образовании, культуре. Аксиологическая тематика сегодня стала своеобразным маркером, определяющим принадлежность к массовой культуре потребления,

субкультуре, контркультуре или элитарной культуре. На фоне все усиливающегося процесса глобализации очевидным стало противоречие между «набором» так называемых европейских ценностей, которыми «маркируют цивилизованные культуры» и своеобразным «набором» ценностных предпочтений отдельной национальной культуры. На фоне краха политики «мультикультурализма» в Европе вновь актуальным стало признание «цветущей сложности» отдельных национальных и региональных культур. В такой ситуации несомненно, что социокультурная ситуация региона играет значимую роль в формировании ценностей личности, ее аксиосферы.

Под аксиосферой [4: 352] личности в данном исследовании понимается сложноструктурированная саморазвивающаяся система ценностей, мобильная под воздействием нескольких факторов: биологических, возрастных, исторических, образовательных, воспитательных, экономических, политических, правовых и т.п. Ее в полной мере можно рассматривать как источник человеческого капитала, который накапливается в течение жизни человека. Понятие человеческого капитала, укоренившееся в современной науке в XX веке благодаря Т. Шульцу, Г. Беккеру, Л. Туроу, Дж. Кендрику и другим зарубежным исследователям, имеет многофакторную структуру. Так Ю. А. Корчагин включает в это понятие «ментальность населения, качество и этику труда, качество и этику предпринимательства, качество элиты, образовательный потенциал, креативность элиты и народа, здоровье народа, накопленные знания и их качество, инновационный потенциал, качество жизни и условия реализации личности, приток и отток населения, отношения государства и народа» [1: 61], связывая эти компоненты в формулы для оценки коэффициента качества человеческого капитала.

Логично предположить, что в каждом элементе, составляющем человеческий капитал, присутствует ценностный компонент. Но в отличие от других составляющих человеческого капитала (здоровья, образования и др.), аксиосфера личности служит своеобразным «маяком», мотиватором развития личности, определяя поступки и действия, направленные на сохранение собственно этого капитала. Но в реальности последних десятилетий наблюдается очевидная проблема потери человеческого капитала на территории Российской Федерации и в частности на территории Республики Карелия. По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиястат) за последние пять лет численность населения республики сократилась на 3% с 632 000 до 618 000 жителей [3: 12], и данная тенденция имеет устойчивый характер. Для изучения данного социогуманитарного вопроса в Петрозаводском государственном университете, опорном вузе республики, в 2019 году был организован проект «Способы сохранения человеческого капитала на территории Республики Карелия как актуальная проблема».

В качестве первого этапа вузовского проекта были проведены научные экспедиции по районам республики с целью обнаружения способов сохранения человеческого капитала. Научные экспедиции имели комплексный характер и включали в своем составе социологов, философов, культурологов, историков, филологов, лингвистов, экономистов, психологов. Соответственно и методология научных экспедиций была комплексной и включала фокус-группы по тематическим кейсам (история, социология), стандартные и нестандартные опросники (социология, психология, экономика), описание и интерпретация представлений человека, его реакций и оценок по проблемной теме (лингвистика, психология), интервью (история, социология), анкетирование (социология, экономика), факторный анализ, статистический и нормативный методы (экономика). В ходе камеральной обработки эмпирических результатов выяснилось, что в одном из всех районов Карелии (за исключением столицы – Петрозаводска), а именно в Костомукшском городском округе за последние пять лет демографическая ситуация остается стабильной (29,9 тыс. чел.) и в плане естественной и миграционной убыли не меняется. Анализ причин такой исключительной ситуации стал предметом данного исследования.

С нашей точки зрения демографическая стабильность в Костомукшском городском округе имеет целый ряд аспектов экономического, географического, исторического характера. Город Костомукша находится в 30 км от финской границы и является единственным в России городом-символом советско-финской дружбы, построенным в конце XX века как промышленный моногород с крупнейшим горно-обогатительным комбинатом. Сегодня по статистическим данным ПАО «Северсталь», куда входит комбинат «Карельский окатыш», занимает 11 место в рейтинге крупнейших компаний России по объему реализации продукции [2], а по итогам 2018 года «Карельский окатыш» более чем в два раза увеличил перечисление налога на прибыль в бюджет Республики Карелия. И, несмотря на то, что Костомукша по статусу является моногородом, этот фактор сказывается позитивно на ее развитии. Этот экономический фактор отражается и в показателях средней заработной платы в Костомукше, которая является самой высокой в республике. Для сравнения средняя заработная плата в 2019 году представлена по сведениям экономических отделов местных органов власти: в Костомукшском

городском округе – 68792 руб., в Сортавальском муниципальном районе – 37810 руб., в Питкярантском муниципальном районе – 36567 руб., в Кемском муниципальном районе (Арктическая зона) – 52641 руб. Эти данные подтверждают высокую значимость экономического фактора, который явно влияет на сохранение человеческого капитала в округе.

Но в основе сохранения человеческого капитала на данной территории мы склонны видеть особенность аксиосферы жителей данного округа. Исследование структуры аксиосферы личности в области гуманитаристики имеет значительную историю и разнообразную методологию. Среди всех известных научных методик нами была выбрана авторитетная методика опроса Шалома Шварца, апробированная в 83 странах за последние десятилетия. «Ш. Шварц постулировал, что все индивидуальные ценности основываются на базовых условиях человеческого существования (одном или более): а) потребности организма, б) стремление к социальным взаимодействиям и в) потребность в принадлежности к группе. 19 ценностей основываются на этих условиях и соответствуют функциональным требованиям, выработанным Ш. Шварцем (в 1992 и 2006 году) для базовых ценностей. Они фокусируются на: а) личной или социальной выгоде от результата, б) росте и саморазвитии или избегании тревожности и защите, в) открытости к изменениям или сохранении статус-кво, г) направленности на собственное благо или благо других» [5: 47]. После многолетних исследований Ш. Шварц пришел к выводу о постоянстве в ранжировании ценностей, несмотря на этническую, религиозную, экономическую, политическую разницу в жизни народов. В первую тройку приоритетных ценностей вошли: доброта, самостоятельность и универсализм, а последние три позиции заняли гедонизм, стимуляция и власть. Подобную иерархию автор назвал «общекультурным профилем человечества», который стал определенным эталоном для аксиологических исследований.

В ходе сбора эмпирических данных опросника были получены результаты 186 респондентов – жителей Костомукшского городского округа (преимущественно трудящиеся в возрасте от 18 до 65 лет). В ходе обработки результатов выявились аксиологические предпочтения респондентов, как на уровне нормативных идеалов, так и на личностном уровне. Итак, на уровне нормативных идеалов ценность доброты у жителей Костомукши, так же как и в профиле Шварца является доминирующей, а ценности гедонизма, власти и стимуляции – наименее значимыми, что еще раз подтверждает справедливость выводов автора методики. Однако на втором и третьем месте по значимости на первом уровне у костомукшан находятся безопасность и конформность. Это значит, что для жителей округа важным и ценным является надежность, гармония и стабильность общества, отношений и себя самого, безопасность семьи и государства, общественный порядок, чистота, взаимная полезность, а также воздержание от действий, которые могли бы нанести вред другим людям, общественному порядку или принятым социальным нормам, вежливость, послушание, самодисциплина, уважение к родителям и старшим.

На личностном уровне список менее значимых ценностей (власть, гедонизм, стимуляция) совпадает с первым уровнем нормативных идеалов и «общекультурным профилем» Шварца. Однако в равной позиции под третьим номером обнаружилась менее значимая ценность традиции, что можно объяснить несколькими факторами (относительно «молодым населением» округа, коротким (30 лет) существованием самого города, малым количеством коренных жителей, большим количеством приезжих и т.п.). Однако именно этот фактор связан и с главной ценностью на личностном уровне – самостоятельностью, которая предполагает руководство самим собой (выбор независимого мышления и поведения, творчество, склонность к исследованию, свобода, любопытство, постановка собственных целей). Возможно предположить, что лидирующая ценность самостоятельности является мощным мотиватором жизнедеятельности костомукшан, что обеспечивает потенцию к саморазвитию, самообразованию, активной позиции в своем социокультурном пространстве.

Таким образом, исследование структурных особенностей аксиосферы жителей северного приграничного района Карелии (Костомукшского городского округа) выявило относительное сходство с «общекультурным профилем человечества» (по Шварцу) на уровне приоритетных ценностей доброты и конформности, а также на уровне менее востребованных ценностей гедонизма, власти и стимуляции. Однако выявленная приоритетная ценность самостоятельности на личностном уровне позволяет сделать вывод об оригинальности аксиосферы жителей данного района, что обусловлено социокультурной ситуацией в историческом, демографическом, экономическом, образовательном плане. Изучение данной взаимосвязи может стать темой дальнейшего комплексного научного исследования.

1. Корчагин Ю. А. Три основные проблемы России, ее регионов и механизмы их решения: Монография. Воронеж: ЦИРЭ, 2007. 144 с.
2. Рейтинг крупнейших компаний России по объему реализации продукции. URL: web.archive.org/web/20150411033328/https://raexpert.ru/rankingtable/expert200/1995/main/ (дата обращения: 18.06.2019).
3. Республика Карелия в цифрах 2019: краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиястат). Петрозаводск, 2019. 65 с.
4. Суворова И. М. Аксиосфера культуры как синергетическая система // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар: Изд-во Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института, 2014. № 2. С. 352–355.
5. Шварц Ш. и др. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.

REFERENCES

1. Korchagin Yu. a. Three main problems of Russia, its regions and mechanisms of their solution: monograph. Voronezh, 2007. 144 p. (In Russ.)
2. Rating of the largest Russian companies in terms of sales [Electronic resource]. URL: web.archive.org/web/20150411033328/https://raexpert.ru/rankingtable/expert200/1995/main/ (accessed 18.06.2019). (In Russ.)
3. Republic of Karelia in figures 2019: short statistical collection / Territorial body of the Federal state statistics service for the Republic of Karelia (Kareliastat). Petrozavodsk, 2019. 65 p. (In Russ.)
4. Suvorova I. M. Axiosphere of culture as a synergetic system. Historical and socio-educational thought. Krasnodar, 2014. No. 2 P. 352–355. (In Russ.)
5. Schwartz Sh., etc. // Refined theory of basic individual values: application in Russia. Psychology. 2012. V. 9, No. 1. P. 43–70. (In Russ.)

Received: 25.10.2020

SPECIFIC AXIOSPHERE OF THE RESIDENTS OF THE NORTHERN KARELIAN BORDER AREA

SUVOROVA
Irina

*PhD in Culturology,
professor,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences, Department of Philosophy
and Cultural Studies,
Petrozavodsk State University, Russian Federation,
suvormih@list.ru*

Keywords:

axiosphere
value preferences
scientific expedition
human capital
sociocultural situation

Summary:

The article examines specific features of value orientations of people living in a northern region of the Republic of Karelia – Kostomuksha urban district located on the border with Finland. The study is based on the empirical data obtained during the 2019 scientific expedition entitled “Ways to preserve human capital as a pressing issue of the Republic of Karelia”. The axiosphere of the respondents participating in this study is considered as a source and regulator of human capital, which is formed under the influence of the sociocultural situation in the city of Kostomuksha. In the methodology of the study the leading role was assigned to Schwartz’s Value Survey, well-validated in dozens of countries and widely used over the past 20 years. The authors also conducted interviews and used other standard and unconventional questionnaires, as well as focus groups and case studies. As a result, several historical, demographic, economic and educational factors were identified that influence the formation of the distinguishing features of the single-industry city residents’ axiosphere. The authors also concluded that the unique axiosphere of Kostomuksha urban district contributed to the preservation of human capital in this northern Karelian area.